

Станислав Хабаров

ЗАЩИТА

16+

Станислав Хабаров

Защита

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Хабаров С.

Защита / С. Хабаров — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Защита докторской диссертации шефом героя повествования показалась ему событием огромной важности, мерилom канонов нравственности кафедры «Боеприпасов», истоком грядущих перемен. Во времена перестройки всё переменилось по-своему. Однако минувшие события не утратили значения в жизни героя повествования. Узел сюжета, завязанный во время защиты диссертации, развязался вдали от прежних мест, в столице Америки.

«Нельзя быть героем
сражаясь против Родины».
Виктор Гюго.

Часть 1

Глава 1

Ночью он несколько раз просыпался, выходил на кухню, пил воду из алюминиевого чайника; стоял, не зажигая огня, у приоткрытой створки окна; затем возвращался в душную зашторенную комнату, ощупью пробирался к тахте и засыпал, обхватив руками подушку. И тотчас подступали к нему, кувыркаясь и переворачиваясь, обрывки нелепого и беспокойного сна. Всплывали перед ним бледные рыжеватые руки, и он догадывался: это руки шефа.

– Отчего такие руки? – поражался он, и тогда появлялось лицо, голова на бычьей шее.

– И кого только у нас нет? – удивлялось лицо.

– Кого нет? – кивала голова.

– Нет-нет, – косили глаза.

– Нет, – резало уши фальцетом, и протянутая к нему рука сжималась в цепкую лапу сапсана. Жидкие волосы падали, спутавшись, на высокий и влажный лоб.

– Нет! – пронзительным голосом кричал шеф. – Только не методом Лагранжа!

Потом лицо блекло, превращаясь в бесцветное пятно. Но он знал, догадывался, что пятно зелёного цвета, и это не пятно, а стол Чембарисова.

– Откуда у тебя этот стол? – спрашивал он, разглядывая суконную поверхность стола, косую царапину шрамом, зашитую черными нитками. А рядом весенними льдинами начинали кружиться другие: жёлтые и розовые столы. Они слепили его полированными боками, скрипели, хихикали, подмигивали круглыми сучковатыми глазами. Шутя, наезжали, заставляя прыгать его высоко и бесполезно. Потом выжидали и снова наваливались, громоздились сверху, лишая возможности двигаться и дышать. Он вырывался, теряя сознание от усилий, и везде настигал его спокойный и громкий голос Главного:

– Если в нём и в самом деле что-то есть, он не пропадёт.

Голос обволакивал, успокаивал на минуту и сразу же начинал душить. Мокашов хрипел, пытаясь сбросить с себя липкую пелену голоса, бился о неё руками и головой. Она проваливалась, отступала и вновь обволакивала его. И не было возможности дышать, не было сил, и было всё равно.

– Перевернись, – толкала его Инга. А он хрипел, уткнувшись лицом в подушку, не понимая её. Тогда она переворачивала его на бок, снимала с себя его протянутые руки, отодвигалась на край тахты. А рядом стонал и боролся, мучился и недоумевал её муж – Борис Мокашов, «голубчик Мокашов», как его называли на кафедре.

Проснулся он рано. Сунул руку под подушку и долго вглядывался в светящийся циферблат часов. Инги рядом не было. Она спала на диване, укрытая коротким Димкиным одеялом.

– А-а-а... – равнодушно протянул Мокашов. Голова его слегка кружилась, но спать не хотелось. От минувшей ночи остались смутная тревога, беспокойство и напоминание.

– Что же это такое? – думал он, направляясь в ванную. А лицо его, ладони и грудь, упредив действительное движение, уже чувствовали обжигающие прикосновения холодной воды. – Что бы это могло быть?

Он сел на край ванны, осторожно потрогал краны, открыл тёплую воду и долго бился над раковиной, вглядываясь в незнакомое опухшее лицо. Потом быстро оделся, спустился по лестничному винту и, не дожидаясь трамвая, отправился пешком.

Стандартные, облицованные керамической плиткой дома окрашивались в нежный сиреневый цвет ещё не взошедшим солнцем. Окна магазина напротив, освещённые изнутри, напо-

минали стенки аквариума. На перекрёстках из-под изогнутых козырьков мигали жёлтые глаза светофоров. И подпёртый распорками телевизионных антенн, таял в светящемся небе серебряный лунный шар.

Вероятно, он что-то сболтнул... Сколько раз он зарекался. Ему многое сходило с рук. Но он знал, чувствовал: если случится непоправимое, то обязательно по вине языка.

Глава 2

1

Сквозь неширокое окно в продолговатую комнату «кафедры» проникал сумрачный свет. Окно упиралось в брандмауэр, и от этого даже днём в комнате царил полумрак. На столах преподавателей, на столике машинистки Любы и на шикарном, широком, как бильярд, столе шефа стояли настольные лампы.

Все окна кафедры боеприпасов артиллерии и взрыва имели один и тот же невесёлый вид. Только комнатка проблемной лаборатории, в которой размещались Борис Мокашов и Кирилл Рогайлов, поднималась над этой, загораживающей мир стеной. Но там, наверху, было тесно и не было роскошных кресел, в которых в отсутствие шефа можно покурить. Стратегический план, как выразался Кирилл, запереться от Дарьи Семёновны, а затем и верхнюю фрамугу открыть.

– Прошу, – сказал Мокашов, доставая пачку сигарет, оставшуюся от вчерашнего вечера, и щёлкнув по её запечатанному концу. Послушно фильтрами вперёд выскочило несколько сигаретных кончиков.

– Любочка, – шаря по карманам, сказал Кирилл, – Неужели ты клюнешь на эту разрекламированную дешёвку?

– Позвольте, – галантно возразил Мокашов, – если вкус и в самом деле, ну, что ли, плод привычки, то я её приучил.

– Да, – ответила Люба и улыбнулась.

– Любочка, отчего ты позволяешь? Он же чёрт знает, что несёт. Не то приучил, не то приручил, а у тебя муж и дитя.

– Да, – снова ответила Люба.

«Люба – наша сестра милосердия, – подумал Мокашов, – безотказного и безадресного».

– А вчера шеф...

– Нечестно-нечестно, – Мокашов замахал руками, разгоняя дым. – Севку подождём.

– Пустое. Знаем мы эти аспирантские замашки! Но ты вчера был хорош.

– От кого слышу?

– Забожиться готов! Шефа, знаешь, пробила слеза. «Вы, – говорит, – да, Мокашов – единственные из молодых». «То-то, – говорю, – вы нас совсем затюкали». «А вы как думали? Сразу на готовенькое? Нет, – говорит, – так не бывает! Положите сначала на стол ваши способности». «А у меня простая философия, – говорю, – сотню свою я везде получу. И прощайте, Дим Димыч, и адью». «Так за чем же дело стало?» «Нравится мне тут на кафедре, и всё. И давайте не будем, – говорю, – и давайте выпьем».

– И орали все время: «На брудершафт!», – делая что-то перед зеркалом, стоящим на машинке, сказала Люба, – и целовались.

– Не может быть, – поморщился Мокашов.

– А мужики всегда перепьются и объясняются в любви.

– Что тут удивительного? – сказал Кирилл. – Обычная мужская солидарность. А шеф...

– Нет-нет, – прервал его Мокашов, – нужно всё по порядку. И Себастьяна подождём.

2

Дарья Семёновна несколько раз подходила к двери. Но дверь была заперта изнутри, видимо, на задвижку. За дверью говорили тихо, и ничего нельзя было разобрать: работают они или чешут языками. Уже одно то, что не стучала машинка, говорило о том, что Люба не занята. Но она могла строить графики по точкам, что ей в последнее время поручал Кирилл. Так что о том, что теперь творилось на кафедре, трудно было судить достоверно.

Тогда она пошла назад, в препараторскую, и, открыв один из высоких старинных шкафов, стоящих вдоль стены, достала свой «конduit». Так назвал его Кирилл, когда о нём стало известно на кафедре. Она записывала в него всё, хотя ей никто этого не поручал: кто и когда пришёл на работу, что делал и в какие часы. И когда через отдел кадров это стало известно на кафедре, вышел большой скандал. Особенно горячились молодые.

– Дарью Семёновну я в обиду не дам! – заявил тогда шеф – завкафедрой Дмитрий Дмитриевич Протопопов.

Но она знала, что с кондуитом и связями в отделе кадров она была для всех бельмом на глазу. В лаборатории от прежнего состава кафедры, кроме преподавателей, оставались она с завлабом Пал Николаевичем. У Пал Николаевича были связи. Но на беду свою он был болтлив.

– Наш шеф теперь, как беременная женщина, – рассуждал он о Протопопове, – и чреват своей диссертацией. На всякий пожарный случай он боится всего. Но он ещё покажет себя. Поверьте мне.

Пал Николаевич слетел с катушек ещё до защиты шефа. Это заставляло задуматься.

– Вы не завлаб, – объявил ему перед расставанием шеф, – вы – завхоз...

Вместо него собирались назначить Мокашова, но тот отвертелся, и исполняющим обязанности сделался Кирилл. Теперь в отсутствие шефа он становился самым крупным начальством на кафедре и материально ответственным лицом.

«12 апреля, – записала в тетрадь Дарья Семёновна, – Мокашов пришёл на работу со звонком». Она подумала: что ещё записать? Она ничего не выдумывала и записывала то, что знала наверняка. Несколько раз поднимала трубку распараллеленного с кафедрой телефона, однако всё неудачно. Иногда там не опускали трубку или опускали косо на рычажки – тогда

и здесь были слышны разговоры из соседней комнаты. На этот раз ничего не вышло. Тогда она взяла требование на радио-материалы и понесла его на подпись заведующему научно-исследовательским сектором. По пути она опять потрогала дверь кафедры. Из-за двери одними гласными доносился голос Кирилла.

3

– Предадимся играм! – орал Кирилл. – Только без стука. А в обед пиво. Первая кружка до желудка, думаю, и не дойдёт – превратится по пути в пар. Первая кружка – что первая любовь. Как вы насчёт любви, мадам?

– Не терплю пива, – сказала Люба, поглаживая кончиками пальцев лицо. Глаза она подвела, и губы тоже были синими. Наверное, слюнявила карандаш. – Что вы находите в пиве? – морщилась Люба. – Жидкое мыло. Пена одна.

«Пусто пока, – подумал Мокашов, – хотя это ненадолго. Кафедра соберётся к десяти. За окном кафедры и днём некая лунность, но сегодня сумрак и пустота рождали чувство тревоги. Тревога отзывалась во всём. Точно там – между сердцем и диафрагмой – зацепили крючком и начали тянуть. Но это эмоции, а по делу – нужно дождаться шефа и объясниться. Дождаться обязательно!»

– Зачем ты мажешься? – спрашивал Кирилл.

– Не твоё дело. Терпеть не могу, когда мужчины вмешиваются.

– На месте твоего мужа... – настаивал Кирилл.

– Он тоже любит совать нос не в своё дело.

- Ты бы не мазалась.
- Не твоё дело. Я и так почти не мажусь. Посмотрел бы на других!
- Ты хороша и так.
- Ну, конечно.

«Может, плюнуть?» – подумал Мокашов. – Плюнуть на всё и уйти, как уходишь от неудобного локтя в метро. Вычеркнуть неудобное: Теплицкого, Дарью Семёновну, вчерашнее... И жизнь будет состоять из текста и пауз».

- Ты что бормочешь? – спросил Кирилл. – Уселся в углу и бормочет себе под нос.

«Плюнуть, уйти и начать всё сначала. Заманчиво начинать! Прекрасно жить дважды. Сначала начерно, затем набело. По новой заняться, например, пилотируемым Марсом, а здешнее бросить коту под хвост. Такая выпала ему жизнь: бросать, когда получается, и начинать сызнова».

- Ты что бормочешь?
- Жить нужно так, – сказал Мокашов, – точно остался один год.
- И...
- Умнеть понемножку.
- Пока поумнеем, эра пройдёт.
- Какая эра?
- Наша эра, собственная, и придут другие шустрые мальчишки и то же самое скажут нам.

Пока будем умнеть, – повторил Мокашов, – сами Дим Димычами станем.

– А что? И Дим Димыч когда-то был орлом. Кандидатская его была актуальна, и с искрой божьей.

- И где она?
- Что?
- Искра.
- Блеснула и пропала.
- Хорошо, а пока предадимся игре.

4

Они расставили фигуры и отключились от мира, время от времени бормоча под нос какие-то, только им понятные слова. Телефон зазвонил резко и неожиданно.

- Любочка, если меня, – попросил Мокашов, – то меня нет.
- Да? – сказала Люба. – Кого? Мокашова? Его нет. Нет, он здесь, но вышел. Куда? За дверь, разумеется.
- Любчик, кончай, – сказал Кирилл.
- Давай сюда, – потянулся Мокашов. – Не можешь без фокусов.
- Мокашов, оказывается, нашёлся, – объявила Люба, – и рвёт трубку из рук.
- Алло, – произнёс Мокашов.
- Здорово, старик, – поприветствовала трубка. Голос был незнакомым. – Ночевать нужно дома.

Нашли время разыгрывать.

- Куда звоните? – строго спросил Мокашов.
- Алло, – весело отозвалась трубка, – Борис Крокодилыч?
- Алло, кто это?
- Я просто не могу, – пожаловался кому-то голос в трубке. – Совершенный склеротик!
- Алло! Алло? Славка? Громче давай.
- Улетаем, старик. Так и не увиделись.
- Где вы, черти?
- Улетаем, напишем...
- Слав, Славка!

А в трубке с механическим постоянством гукали гудки. В десятом часу позвонила Инга:
– Ты соображать в состоянии?
– А что есть основания разговаривать в таком тоне?
– Есть. Но это особый разговор. Вчера были ребята. Ждали тебя. Оставили записку. Она на столе. Ты её, конечно, не видел. Приходи пораньше.
– Сейчас я встану и объявлю: бросайте работу, у моей жены сплин!
– Когда тебе нужно, ты приходишь.
– Знаешь, это разговор в пользу бедных. Давай лучше закончим его. И вообще...
Но она уже положила трубку. После звонка появился Семёнов.
– Семёнов пришёл! – заорал Кирилл. – Семёнов пришёл!
– Перестаньте дурачиться, – улыбался Семёнов.
– Семёнов пришёл!
– Не надоело?
На лбу Семенова красовался синяк.
– Хорошо тебя встретили вчера.
– Не вчера, – слабо улыбался Семенов.
– Сегодня? Опохмелялся уже?
– Ночью попить вставал. Шёл в темноте, расставив руки. – Семёнов вытянул руки, – и налетел на дверь. Понимаете? Дверь между руками попала.
Семёнов оглядел всех. Даже Люба улыбалась из-за машинки.
– Что не спрашиваете? – сказал он, наконец.
– О чём?
– Как дверь?
– Действительно.

5

И они снова захохотали. Дарья Семёновна прошла через коридор и заглянула за дверь кафедры. Люба сидела за машинкой, а лоботрясы, сидя на столах, клонились в стороны от хохота.

«Ничего, – решила она про себя. – Скоро это закончится. Дим Димыч вам покажет кузькину мать! Соплячка, – это она о Любе, – а тоже воображает из себя. Знать надо своё место. Скромно вести себя. Сиди, отстукивай на машинке. Машинисток теперь – пруд пруди. Дмитрий Дмитриевич покажет вам, как нужно работать!» – подумала она. Если бы её спросили: как именно, – она бы задумалась. Но Дарья Семёновна твёрдо знала, что это точно не болтаться без дела, не чесать языками, не смеяться в рабочее время.

6

– Ты чего пришёл? – спросил Кирилл Семёнова.
Тот не спеша раздевался, вешал на гвоздик за шкафом плащ.
– Есть дело.
– С кем? С шефом? Думаешь, он сегодня вспомнит о тебе?
– Не вспомнит – напомним. – Семёнов пригладил волосы, снял, скосив глаза, с плеча пушинку, дунул на неё. – А вы вчера давали гастроли. Особенно Мокашов. Презабавное, доложу вам, зрелище: на арене Мокашов.
– Не болтай глупостей.
– С Протопоповым женщин обсуждал...
– Не может быть...
– Я пытался запомнить. Вроде бы... женщины делятся на «ос» – у них поперечные предупреждающие полосы. И на «зебр» – у этих полосы подчёркивают линии тела.
– Какой ужас! – вздохнул Мокашов.

– Позвала я шефа, – рассказывала Люба, – а Генриетта с Теплицким целуются взасос. У всех на виду. Шеф прямо позеленел. Я бы не вынесла!

– Ты явно завидуешь.

– Чему? Разврату? Все вы мужики одинаковые... После защиты зашла на кафедру, а Протопопов принялся обнимать.

– Это он от радости, что защитился.

– За грудь от радости? Я его папкой с размаху по голове стукнула...

– Люба, у тебя определённо есть шанс.

– Какой? С кафедры вылететь?

– Домой на метро ехали, – рассказывал Семёнов. – И ребят встретили. Славка, Маэстро, Вадим. Думаю, галлюцинации начались. Постарели чуть. Но это из другой жизни.

«Паршиво-то как, – подумал Мокашов. Лицо его стало страдальчески скорбным. – Приезжали ребята. Где они теперь?» В голове его были пустота и неразбериха. Не боль, а предчувствие боли, или, скорее, остатки её.

– Ты чего сморщился? – взглянул на него Кирилл. – Обязательно нужно пивка.

– Ты зачем о бронееме болтал? – вспомнил Мокашов. – За язык тебя тянули?

– А ты тоже додумался! Перед защитой в бронеему полез.

– Совсем забыл, понимаешь? Из виду упустил.

– Ещё эпизодик хотите? – не унимался Семенов.

– Довольно! Достаточно самодеятельности, – сказал Кирилл. – Давайте-ка всё по порядку.

Глава 3

1

Защита началась ровно в десять. Не в актовом, как обычно, а в зрительном зале. Актный был мал, и большой учёный совет собирался во вместительном зрительном, на втором этаже.

Мокашов сидел близко от длинного, покрытого серым сукном стола, от развешанных плакатов шефа, от трёх грифельных досок: двух неподвижных и одной с автоматическим приводом, и ему казалось, что всё это уже было. Так же ходили, здороваясь, учёные мужи. Одни проходили, не глядя, прямо к столу, а уже оттуда кланялись знакомым. Другие, наоборот, здоровались между рядов. А между ними ходил, кланяясь и улыбаясь, маленький, изящно скроенный человек – диссертант Дмитрий Дмитриевич Протопопов – завкафедрой взрыва, теперешний мокашовский шеф, для многих просто Дим Димыч, главное действующее лицо сегодняшнего дня.

Утром в подвале Мокашов пытался припомнить шефово лицо, но ничего не получалось, хотя оно у того было характерным, выразительным.

– По шефу «пли», – шептал он тогда, дурачась. – Пуск!

Упруго проваливалась пуговица пускателя. И тотчас охнул отдалённый перегородками взрыв. Опять стало тихо. Закрыв глаза, он представил, как снизу, из старенькой бронеемы, потянулись размытые струйки дыма. Отключённая датчиками давления, сработала блокировка двери. Можно было входить, но он медлил, сам не зная почему, полужёжа в низком кресле оператора. Выдержав паузу, зачмокала вытяжная вентиляция. Захваченные её настойчивыми приглашениями продукты взрыва потащились по длинным жестяным трубам через весь подвал и дальше через пять этажей на крышу здания. Снова сделалось тихо, но в ушах, привыкающих к обычному шуму, осталось неясное пощёлкивание. И нельзя было понять: внешний ли это звук или обычные толчки крови?

Звук не исчезал. Тогда он посмотрел на часы. Восемь. Ещё полчаса наверняка никого не будет. В последнее время он много работал: приходил рано, уходил поздно. И никто не догадывался, что по утрам и вечерам ухает ещё старушка-броняма, на которой давно работать запрещено. А узнают – ему несдобровать при всём отличном к нему отношении. Шеф, конечно же, умоет руки.

– Что поделаешь, Борис Николаевич? Ведь это техника безопасности и пожарная охрана. Разве их переубедишь?

Теплицкий, вероятно, будет нейтрален. Ребята задёргаются, но их-то не догадаются спросить.

Цок-цок-цок, – пулемётной очередью стучат каблучки по кафелю коридора. – Цок, цок, цок. И стук в дверь. Молчать? Притаиться, не отвечать?

– Кто там?

– Борис, откройся.

Это Люба.

– Ну, что тебе?

– Во-первых, здравствуйте, а во-вторых, тебя ожидает шеф.

– Ему-то что?

– Ты совсем уже, что ли? Сегодня защита.

«Как я забыл?» – думает Мокашов, поднимаясь на кафедру. Но на кафедре никого нет. Видимо, шеф у них наверху – на голубятне.

2

Мокашов не любил шефа. Причём неосознанно, инстинктивно. Чувствовал в нём подвох, не верил и не доверял ему. Беспочвенно, без оснований.

– Как дела, Борис Николаевич? – появлялся шеф в их «высотной» комнатёнке.

– Как в Польше, – автоматически отвечал Мокашов. Он знал анекдоты шефа и был начеку.

– Как супруга? – галантно осведомлялся тот, заглядывая в глаза.

У него странный завораживающий взгляд. От него трудно оторваться. От него цепенеешь, не понимая ничего. От него устаёшь и всё-таки не можешь оторваться. Может, он гипнотизёр? Когда он обволакивает тебя фразами, то кажется, повисаешь над землёй. Поднимаешься и висишь в воздухе, а под тобой – пустота.

Говорит он обычно вкрадчиво, употребляя забытые обороты и старинные слова. А может и закапризничать, говорить о себе в третьем лице:

– Поясните. Мы ничего не понимаем... Не помним мы. Плохая память у нас.

Или может сказать умоляющим голосом:

– Умоляю вас, не решайте методом Лагранжа.

Что он имел в виду? Попробуй догадаться. Изменить метод или не решать совсем? Давным-давно у Мокашова болела нога. Было лето, он ходил в босоножках и поражался обилию угрожающих ног. В трамвае, метро, на улице, в коридорах он берёт забинтованные пальцы, боялся, что могут наступить. «Не люди, а осьминоги какие-то». И шеф, наступивший на него, был для него в переносном смысле осьминогом. Пугающий многоног.

Когда он в кресле: утопающее в раковине тщедушное тельце и массивная голова. Головоногий моллюск, многоног, октопус. А у октопусов, оказывается, три сердца и голубая кровь. Голубая в палитре противоположна красной. Она у самых мерзких тварей: пауков, скорпионов, осьминогов, раков. А ещё у осьминогов – нервы толстые, как верёвки, и пищевод проходит через мозг.

Как-то вечером, после скандального исчезновения завлаба, они задержались на кафедре обсудить, «что следует из...» Кондуит Дарьи Семёновны, казавшейся до этого отзывчивой старушкой, и внезапные перемены наводили на размышления.

Преподаватели ушли, остались обычные: Мокашов, Кирилл, Севка-аспирант. Они засиживались вечерами в подвале над экспериментами, затем до одури накуривались наверху.

– Ха-ха-ха, – смеялся Кирилл. – Завлаб наш бесценный даже замочки увёл.

Дверцы шкафов, обычно запертые, теперь манили к себе тёмными щелями. В шкафах хранились какие-то папки, забыто-заброшенные дела. Когда-то, наверное, они были потом и кровью студентов и аспирантов, а нынче стали макулатурой.

– Порыться следует в этом хламе, – сказал, как бы между прочим Кирилл. – Ведь Дау в войну состоял при кафедре. Батюшки, смотрите: магнитофон!

Кирилл непременно заметит что-нибудь дельное. На полке, под листами ватмана, стояла серая коробочка в муаровых потёках – трофейный магнитофон, когда-то доступное достояние кафедры. На нём записывали музыку и каламбуры для капустников. Затем он куда-то исчез и вот, оказывается, вернулся.

– Посмотрим, что сохранилось в его чреве?

Кирилл включил воспроизведение, и голоса зачирикали, как в детской передаче.

– Фу, чёрт, – Кирилл щёлкнул выключателем, – должно быть, четыре с половиной.

Плётка пошуршала, затем раздался голос Теплицкого – доцента кафедры, которого они за глаза звали «арапом»: «Тоже мне арап... или... арап Петра Великого».

Теплицкий ходил, пружиня ногами и туловищем, голоса не повышал, улыбался вежливой улыбкой. И всегда казался неискренним.

– Ёлки-палки! – Сева поднимал круглые брови. – Всё время притворяется, но для чего?

И Мокашову постоянно казалось, что, кроме этой видимой, у Теплицкого иная, скрытая жизнь. В ней он, не притворяясь, хохочет в полную силу лёгких и ведёт кошмарно разгульную жизнь. А потом тихим и скромным появляется на кафедре, пряча усмешку. Он всегда вежлив, кивает при встрече, но поди пойми, как он к тебе относится, если обычно молчит. С шефом у них дела. Они беседуют тихими голосами и временами уезжают из института на машине Теплицкого.

– Хорошо, я допускаю, – говорил магнитофон голосом Теплицкого, – если в точку долбить, то в конце концов, что-нибудь получится.

Как он это произносит, нетрудно представить: не понимая глаз и поджимая губы. А его тонкие пальцы живут особенной жизнью: сплетаются и выразительно замирают. Трудно понять, кто он на самом деле: умница или вид делает, а значит – плут, скорее, себе на уме, из тех, кому не дано, но хочется?

– Нужно кончать с этой откровенной самодеятельностью. Подвести баланс и темы закрыть.

– Лишить их, – это голос шефа, – возможности экспериментировать? Так они на следующий день сбегут.

– Не пугайте, не очень-то и сбегут, Дмитрий Дмитриевич. Да и темы их для кафедры не новы. Занимались ими и вы, и я, а кафедра не резиновая...

– Выключи, пожалуйста, – закричал Мокашов, – дай отсмеяться.

И они начали хохотать, хотя и любопытствовали, что же ответил шеф.

– Вы о чём? – спрашивал шеф осторожно и непонимающе.

– Об осколочном дроблении, например.

– Рогайлов с Мокашовым этим занимаются, и бог с ними.

– Но поймите, мы просто теряем время! И с вашей защитой...

– Я уже с Левковичем говорил.

– Левкович здесь ни при чём.

– А об авторстве... Нужны вам эти разговоры? Хотите, чтобы в будущем мозолили вам глаза?

«Надо же! Теплицкий прёт, как на буфет, а Протопопов явно растерян. И непонятно, к чему это он? Утверждать тем самым свою сущность, карабкаясь по головам, опережая других в реакциях, возможностях и тем, что заранее предусмотрел и превзошёл. И это ещё не вечер, а только разминка перед забегом, в котором силы потребуются, и резервы, и напряжение свыше сил, и откровения души».

– Помните, как говорил Наполеон: важно не то, кто подал идею, а кто её осуществил.

«Шеф находчив. Его трудно понять с человеческих позиций. Он осьминог. Вот он сжался, напряг свои хроматофоры и с ходу окраску сменил».

– В чём-то вы правы, но поймите, рука не поднимается. Не могу я подрывать веру молодых учёных, – выдал шеф и засветился, как светлячок.

«Осьминоги светятся в темноте. Демагогия чистой воды».

– У вас древние методы, – настаивал Теплицкий. – Кто же так действует? Нужно отыскать действительно достойное место и дать отличные рекомендации. А дальше – не ваше дело. Пусть другие мучаются.

– Но это не по правилам, – сопротивляется шеф.

– В гробу видели мы эти правила! Лучшее не у нас, как говорят золотари. Послать, например, в «золотую клетку», без возврата. Пришёл запрос для зон ядерных испытаний. И очень просто: заполнил анкету, тебя проверили, и вылетел из обычного на всю оставшуюся жизнь. А со связями Левковича...

– Давайте отложим этот разговор.

«Это уже последнее средство. Выпущен чернильный двойник. Осьминог обесцветился и отпрянул в сторону. Пойди, его найди. После защиты Протопопов уходит в отпуск, а там и эксперименты подойдут к концу».

На этом запись закончилась.

– Надо же, а я его благодетелем считал...

– Сапог всегда сапог.

– Верил я, что манна небесная валится в наших стеснённых обстоятельствах.

– Люблю я всё-таки шефа, – развалившись на диване, орал Кирилл. – А за что, не знаю и сказать не могу.

– Зачем записывали? – спросил Мокашов.

– Это штучки завлаба. За них, наверное, и вылетел.

– Точнее, не удержался. Но опыты нужно кончать. Помяни моё слово, скоро нас прижмут.

И действительно, были какие-то комиссии. Запретили работать с броней и на кавитационной трубе. Только Кирилл лупил по бронированной плите образцами из гидроружья и сам темнил в бронееме. От них разом потребовали планы и отчёты о проделанной работе. И теперь приходилось ловчить. Приходить до звонка, оставаться поздними вечерами. И с Ингой творилось неладное.

– Ничего, разберёмся», – отмахивался Мокашов.

«Что ему от меня?» – думал он о шефе, поднимаясь на «голубятню».

3

За окном крыши. Великое половодье крыш. Нагромождения, целые водопады. В хорошую погоду они убегают и прячутся в фиолетовой дымке дали. А в такие дни, как этот, поблёскивают своими отлакированными плоскостями, тянутся куда-то и неизвестно зачем. С места, где сидел теперь шеф, виднелись сквер и голые ветви деревьев.

– Не упрямитесь, Кирилл Ярославович! – ну, кто ещё так назовёт Кирилла? – Вас никуда не тянет весной? Ни столечко? – шеф показывал кончик мизинца. – А что за прелесть малые города – уютные, тихие. Церкви, тополиный пух!

– Что хорошего? – отмахивался Кирилл. – Пыль, грязь, церкви-развалины, замызганные рестораны. В грязь удавиться в тоске.

– А ведь грязи бывают и целебные.

«Выпендривается», – подумал Мокашов.

Они с Кириллом любили путешествовать. В субботу, если находил стих, доставали истрёпанную карту. Это называлось – путешествовать малой кровью.

– Давай, – говорил Кирилл, а Мокашов жмурился и опускал отточенный карандаш. Вся карта была в карандашных точках, и когда он попадал в «обследованный» район, прицеливание повторялось.

– Готово, – кивал Мокашов, и они ехали туда, куда ставилась точка. И эти малые путешествия и случайные встречи с людьми были каждый раз интересны по-своему.

– Как вам, – вежливо спросил Мокашов, – нравится у нас, Дмитрий Дмитриевич?

– У вас ничего. Вы мне сами не нравитесь.

– А я, Дим Димыч, уже на пятом курсе на себя рукой махнул.

– Что же вы раньше не сказали?

– Лучше поздно, Дим Димыч.

– Да, весна, – неопределённо сказал шеф, и они насторожились в ожидании настоящего разговора.

– А кого, Дим Димыч, вы считаете вестником весны?

«Если начнётся настоящий разговор, то чем он для них закончится?»

Шеф лишь плечами пожал.

– Кого? Скворцов? Грачей? – пристал Кирилл как банный лист.

– Ну, хотя бы.

– А ведь это нечестно.

– Почему?

– Мартовский кот – настоящий трубадур весны, – торжествующе объявил Кирилл.

Мокашов взглянул на него с удивлением: отчего тот несёт заведомую чушь? Разговор теперь походил на непонятную пантомиму, на игру для дурачков. Но шеф не обрывал, а наоборот, поддерживал гаснущий огонёк.

– Птицы – это официоз, номенклатура, официально признанные. Вроде космонавтов, что славу гребут.

– А коты?

– Коты – серая скотинка, неприметные герои. Есть выражение: кот в мешке...

– А не кажется вам...

– Нет, Дим Димыч. Признаем без ложной скромности: нам никогда ничего не кажется, и мы не ошибаемся. Я говорю так, Мокашов наоборот. И кто-то из нас утверждает правильно.

– А с диссертацией? Без ложной скромности, вам сам бог велел.

– Что вы, Дим Димыч? Защитись я, и все непременно будут спрашивать: как он промылился в кандидаты? А пока поголовно удивляются: отчего я не кандидат?

– А у вас как с аспирантурой, Борис Николаевич? Не собираетесь?

– Пока нет.

– И правильно. И так сделаете, если есть голова.

– А в этом вы не правы, Дим Димыч, – отчего-то противоречил Кирилл. – Как же? У аспирантов на худой конец лишний отпуск.

«Об аспирантуре Кирилл обычно говорил, мол, совершенно плёвое дело».

– Я на совете с Филюшкиным сидел, – улыбнулся шеф. – У него базис аспирантуры. Аспирантура теперь на хозрасчёте. Ассигнования от внедрения. Внедрений нет – и ассигнования наполовину срезали. А поток диссертаций не уменьшается. «Я, – говорит, – в этом полугодии совсем их субсидий лишил, а диссертаций перевыполнение...»

– А что на совете будет?

– Защита.

– А ещё?

– Вот вы где прячетесь?! – дверь распахнулась, и появился Левкович: лысый как ящер и чем-то всё-таки моложавый.

– Семь городов соревнуют за мудрого корень Гомера: Смирна, Родос, Колофон, Саламин, Хиос, Аргос и Афины, – наполнил он комнату своим настойчивым говорком.

Лишь хитроумный Моисей (так его обзывают на кафедре), мудрый и многоопытный, может появиться так.

– А, Моисей Яковлевич, – обрадовался шеф, – давно вас жду!

– Я из совета. Кафедра приборов считает, что вы – её диссертант, управленцы это оспаривают.

– Тут одно обстоятельство, – посерел лицом шеф. – Сойдём вниз, посоветуемся. И вы, молодые люди, подходите попозже, – шеф взглянул на часы и заторопился.

Уже с лестницы долетел до них журчащий голос шефа и ухающий Левковича.

– Что это с ним?

– Бойтся. Заторможенный. Как перед казнью. Говорит об одном, а думает о другом. Поговаривают, что ты кого-то из Краснограда на защиту пригласил, попутать.

– Ты в своём уме?

– А ещё, по слухам, в Москве по защитам носится некая шайка аспирантов. Так называемая «шайка Бурбаки». Развлекаются, гробят всех подряд, и полный детский сад: метки чёрные и лозунг «За чистую науку». А у шефа стойким кошмаром ещё Карпаты, с семинаром, проваленным «Бедой». Представляешь, она и здесь соткётся из туманов.

– Давно он здесь?

– С восьми. Я уже за тобой Любочку послал. Думал, не выдержу.

– Теперь его Моисей займёт.

– Многоопытен и мудр, как змей. Сведущ в семи искусствах сразу.

Глава 4

1

В зрительном зале особенный потолок: деревянный, с выступами и нишами. Такие и в больших аудиториях института. Они пугают студентов, им кажется, что кто-то за ними оттуда наблюдает. Бархатный занавес сцены сегодня раздвинут, и по ней ходит шеф. На высоком помосте, среди развешенных плакатов и двух досок на высоких ножках. Хороши плакаты шефа, но сколько в них рабского студенческого труда!

Перед помостом сцены, за серым столом сидят члены учёного совета. Некоторые переговариваются, не слушают, не смотрят, как волнуется шеф. Говорит он хорошо, но повторяется, вертит указку, и даже отсюда видны капли на высоком шефовом лбу. И руки дрожат, но изда-лека это незаметно.

В зале – масса народа: свои, приезжие. Ближайшая к сцене треть зала заполнена плотно, а дальше – вразбивку и с интервалами, и если целый ряд занят, значит, явилась вся кафедра или лаборатория.

Защита идёт обычным для каждого учёного совета отрепетированным путём. Встаёт председатель совета и говорит ненужные, лишние слова. О повестке совета знают и, наверное, нет таких, кто не знал, что будет на этом заседании, и пришёл. Зачитывает документы секретарь учёного совета или, как его называют, учёный секретарь. Говорит он бесцветным секретарским голосом, который в подобных случаях выглядит бесстрастным и незаменим. На его фоне любая, даже далеко не блестящая речь выглядит удачной. От его доклада зависит многое.

Он может читать, проглатывая слова или произнося их так невнятно, что вместо слов отзвывает получается неясный шум. А выступить, не понимая? Не все решатся на это.

Протопопов начал неудачно. Он ходил вдоль прекрасных плакатов. Неожиданно протягивал руку и так же быстро её убирал. Неожиданность была вызвана не отсутствием плана. Выступление было отрепетировано, и Протопопов обычно отлично выступал. Две помехи являлись тому причиной. Присутствующие временами почти не слышали его. Микрофон он держал в руке, опуская её, и тогда голоса не хватало даже для первых рядов, а когда, спохватываясь, подносил его слишком близко, возникал шум. Левкович непрерывно морщился. Кирилл пытался с помощью пантомимы показать, как держать микрофон. Но была и другая, внутренняя причина. Сказать лишь то, что Протопопов волновался, по сути ничего не значило. Волнение было бы естественным, но от сказанного ему Левковичем перед защитой Протопопов испытывал ужас.

Страх налетал на него порывами. В последнее время, чтобы он ни делал: брился, обедал, читал, – страх появлялся внезапно, парализуя его. Он цепенел, сидел, как заворожённый, прислушиваясь к внутренним биениям. Сидел он так, пока внутри не отпускало, и не становился самим собой. С приближением защиты противное чувство посещало всё чаще. Он внушал себе, что с защитой для него всё закончится. А теперь чувствовал себя так, словно стоял над краем обрыва. Его всего ломает и тянет в бездну, и хочется кончить разом и одновременно противиться тому.

– Что это с ним? – спросил Кирилл, оборачиваясь, но Макашов только плечами пожал и посмотрел на Левковича. Тот отчего-то сел не за стол президиума, а сбоку и впереди в рядах. Неудачное выступление Протопопова отражалось на его лице: Левкович морщился, шевелил губами и что-то бормотал.

– Пора бы ему понять, – сказал Кирилл, – что на светофоре ему жёлтый, а не зелёный.

– А ему без разницы, – откликнулся Макашов, подумав про себя, что осьминоги не различают цветов, так же, как собаки и кошки. Им доступны только оттенки яркости.

Наконец, Протопопов справился с микрофоном, и впечатление непоследовательности постепенно стало пропадать. Однако умения и блеска, обычно присущих выступлениям Протопопова, на этот раз не было.

– Странно, – пробормотал Макашов.

Кирилл кивнул, а сидящий рядом Семёнов добавил:

– Ничего странного. Дрожит твой шеф, словно холодец. Я думаю, Левкович его предупредил, что Келдыш вернулся со старта, а с ним и вся наша гоп-компания. Заявятся сюда, и разом к чертям все договорённости.

– А что, действительно?

– Вроде бы.

Перед защитой, завидев знакомую фигуру, Макашов обрадовался и подошёл к нему. Семёнов везде чувствовал себя в своей тарелке. Он улыбнулся и снисходительно кивнул.

– Привет работникам министерства! Сопровождаешь министра?

– А, ты об этом, – улыбнулся Семёнов, – из министерства я ушёл.

– А как сюда попал?

– Пришёл поразвлечься, как на похоронах.

– На чьих? Шефовых?

– Думаю, и на твоих. Вспомни, как в старину хоронили царей, а с ними слуг и музыкантов. А теперь учителя и учеников. Умер профессор – и аспирантов можно смело закапывать. И высятся кругом невидимые курганы. Шеф твой до смерти напуган и, видимо, не без причины. А ты о шайке аспирантской не слышал? Озверели, шестую защиту гробят! Развелось ведь масса псевдодиссертаций. Трухает твой шеф.

Макашов ещё больше удивился, увидев Пальцева.

- Палец, здравствуй.
- Привет, старикашечка. Как живёшь, чем живёшь, с кем живёшь?
- А ты как сюда попал?
- Пригласили. На редакцию бумага пришла.
- Ты хоть знаком с Протопоповым?
- И да, и нет. В общем, скорее, да, в общих чертах.

2

Протопопов ходил уверенней. В шуме зала его привычное ухо лектора улавливало особый ритм, и, повинуясь его пульсациям, он то молчал, затягивая паузу, то снова говорил. Он много двигался, и ему это помогало, и таскал повсюду за собой кабель, похожий на тонкий хвост.

Он знал: нужно вытерпеть эти двадцать минут позора. Пытался себя убедить. Никто не ждёт от него сногшибательных открытий. Всего лишь нужно показать, что ты не лыком шит и ты – человек с копьём. До последнего времени ему нравилась диссертация, а вот понравится ли она другим? Он любовно доводил её до кондиции, а вот подумал: не покажется ли, что прихорашивал мертвеца? И несерьёзна вся эта бутафория. Он, словно изучив взаимосвязанный механизм, затем выбросил из него пружину и шестерёнки, оставив стрелки и циферблат. И вот теперь двигал равномерно стрелки, и выходило похоже на часы и как у любого человека с копьём.

У всех, в конце концов, наступает разочарование. После сладости минут творчества, своего рода любовных утех, начинается оформление. Восторги позади, и предлагается оформить юридические права. Обряд защиты напоминает, скорее, не свадьбу, а похороны, на которых принято говорить только хорошее.

– Решиться нужно, – убеждал его Теплицкий. – Вы в детстве с вышки не прыгали? Нужно только представить, что летишь... Решайтесь, а там начнём чистку авгиевых конюшен... Закроем мелкие темы и наведём порядок на кафедре.

3

Пока шло привычное изложение, можно было отвлечься.

«Семёнов пришёл набираться опыта», – подумал Мокашов.

Он перед этим его спросил:

– Как ты сюда попал?

– Самостоятельно. Я вполне самостоятельный человек.

«Защищаться нужно на стороне, – подумал Мокашов. – Это и ежу понятно, и нет пророка в своём отечестве».

– Диссертации – не наше дело, – темнил Семёнов, – они нас не касаются. Дела нет – и пишут диссертации.

– А меня, – вмешался Кирилл, – когда вижу, как в Ленинке катают диссертации, начинает мутить.

«Защита, возможно, коллективное мероприятие, и скопом нужно защищаться. Только зачем мне защищать Протопопова? – думал Мокашов. – Доктором быть совсем необязательно. Кандидатом – иное дело, а доктором... Какой, скажем, доктор Теплицкий? Он путаник, чучело, и не более того. А Савенков и вовсе человек непорядочный, хотя и упорный, как муравей. Всё это – принаучная шелуха. Полно околонушной шелухи».

На сцену Мокашов не смотрел, ему и так было ясно. Защита катилась как по рельсам.

«А зачем защита администратору? Необязательно быть артистом директору оперного театра, как и директору стадиона – мастером спорта. Диссертация похожа на спорт. Подарить лучшие силы пустому делу? А что родить? Одни сопереживания? Мы представляем себя на месте спортсмена. Соревнование – и чистое дело, и наркотик. Защита – тоже соревнование,

а диссертация – сосуд с ограниченным объёмом, в который нужно попытаться всё вложить. Но что своего вложил Протопопов?»

Непосвящённому выступление могло показаться блестящим. Оно и не могло выглядеть иначе. Всё зависит от опыта преподавателя. Всем стоит побыть педагогом временно, хотя бы год. Однако для своих оно смотрелось иначе.

«Со стороны – зрелище не из лучших, – думал Мокашов. – На сцене мокрый, жалкий, загнанный в угол паучок. Хотя и это не конец, и стоит вспомнить, что он – беспозвоночный, и способен менять фигуру по желанию. Все аналогии хромают, но институт наш для нас – целый океан. Не всем дано скользить в его прозрачных водах, и многим достаются ил и дно. А шефа следует отнести к головоногим, которых он выбрал для себя в кружке гидробиологии Дома Пионеров, популярном в их приморском городке.

Осьминогов называют приматами моря. Действительно, осьминоги умны, и у них масса достоинств. Вообще, это исключительно древний род. Они стары как мир и гордятся родословной. Даже в кембрии, более пятисот миллионов лет назад, находят раковины их предков.

Но осьминог и по-своему современен. Он – живой реактивный двигатель. Вбирает окружающее в себя и выбрасывает реактивную струю. Взлетает разом над всеми и в сторону. Через ту же воронку он может выбросить чернильного двойника и со стороны наблюдать, как обмануты соперники, улыбаясь во весь свой попугаев рот, который тоже у него клювом, но с захватом снизу.

Существует масса мифов, легенд и свидетельств очевидцев-моряков о монстрах с десятиметровыми щупальцами, вряд ли истинных. В книге Гиннеса восьминогий моллюск имеет щупальца в три с половиной метра, а научный отчёт о замерах осьминогов Дофлейна уточняет, что ноги измеряли в размахе.

Осьминог может менять окраску от белой до бордовой и умело этим пользуется, и это ещё далеко не всё».

4

Господи, какая чушь лезет в голову! Он как-то Кирилл о шефе спросил:

– Кто он, по-твоему?

– Импровизатор с элементами шулерства. Его основное свойство можно назвать «доворотом винта». Он – наш Иракий Андронников, а мы – его аудитория. Мы с ним взаимодействуем.

«Пожалуй, так. Действительно. Приходит шеф, скажем, с учёного совета. Уничтоженный, униженный, буквально стёртый в порошок. Он смят обстоятельствами, раздавлен фактами и требует сочувствия. И начинается рассказ из разряда катастроф. В нём всё ужасно, однако находится спасительная красочка, и шеф лишь краешком её касается. Мы внемлем, ведь для нас шефовы откровения – секреты закрытой области, верхов низам, и вот в мрачном полотне картины появляется импрессионистское пятнышко. Конечно, в целом мы удручены, и шефу искренне сочувствуем, хотя уже меняется тон, и в изложение вплелась робкая мажорная нить. Находятся оправдания и язвительные оценки других. Безжалостность в них и самоирония. История пару раз пересказывается, каждый раз опираясь на созданное. Слушания повторяются, и в результате – шеф уже на белом коне, неприступен и прав, а противники посрамлены. Интересно, что и сам он в рассказанное верит, и при слушательской поддержке готовится к новому бою. Такова композиционная сила творчества. Этим шеф наш силен и непотопляем, хотя в действительности вроде бы ничего и не произошло».

Он Любу как-то спросил:

– Куда они мотают с Теплицким?

Но та целиком заиклена на своём. Рассказывает, как по дороге её поддавливает Теплицкий:

– Приглашает в «Жигуль».

– «Жигули»?

– «Жигули» – это когда во множественном числе, а у Теплицкого – «Жигуль».

– А ты?

– Я что?

– Может, это твоя судьба. Вы – жены не мужьи, а божьи, и неизвестно, с кем он вас сведёт.

Муж у тебя брюнет?

– Блондин.

– Скорее ищи брюнета! Блондины в целом – ослабленные особи. Будущее за брюнетами.

Так как тебе шеф?

– Мне он нравится. Он общительный.

По общему мнению, Протопопов был на своём месте, а его общительность вытекала из рода его работ – участия в конференциях, различных советах, комиссиях. Черты его характера, казалось, способствовали общению: мягкая вкрадчивость и скрытое обаяние привлекали людей. Из связей он сохранял редкие приятные, остальные игнорировал. Конечно, он понимал, что этого недостаточно, но ничего с собой поделывать не мог. Перед защитой он повёл себя чрезвычайно осторожно: не принимал спорных решений, не обижал отказами, поступал чутко и был настороже. И все вокруг, казалось, понимали его состояние и ему подыгрывали. Хотя, наверное, (люди не дураки) задумывались: а что же будет потом?

Из зала многие поглядывают на Мокашова. Для большинства не секрет, что докладывается мокашовская идея, и что он с шефом не в ладах. Поглядывают с интересом: как он себя поведёт? Волнует пикантность ситуации. Здесь многое о тебе знают такое, чего бы и не следовало. Не то, что нужно на самом деле. Хотя он действительно в затруднении и вправе поведать истину народу. Внезапно встать, взглянуть на ждущий и внемлющий ряд, на эту чудо-защиту, где выступающий на сцене голенький. Кому-то он может показаться артистом с безотбойным номером, в котором стоит только лишь себя показать.

«Однако шеф чувствует опасность. Но милый многоног, опасность не там, где вы считаете. Опасность здесь, в этой голове и руках, и возможны разные варианты. Можно во всеуслышанье крикнуть с места, как лягушка-путешественница: «Это я! Это всё придумано мной...» А можно встать и витиевато выразиться:

– Необходимо отдать должное прекрасному изложению идеи. Но что, по сути, наглядно мы имеем? Замечательный парафраз статьи известного источника, трудов уважаемого института... и многого не потребуется... уважаемому собранию достаточно намекнуть, что был отчёт сверхсекретного центра и статья, хотя и для мира закрытая, но людям сведущим нетрудно понять, откуда ноги растут. Ну, да, – возразите вы, – отчёты секретного центра. Кому доступны они? Пойди, разберись... Но слухами земля полнится, и стоит намекнуть...

А популярность доклада уместна не здесь, а на страницах «Юного техника» для детей, «Техники молодёжи» для юношества, «Науки и жизни» для любознательных остальных... Так стоит поблагодарить докладчика за изложение и разойтись... а тему закрыть, а вместе с ней попутно закрыть и кафедру.

И начнётся, мало не покажется. Притаившиеся истинные враги кафедры поднимутся во весь рост. Они готовы в любой момент сорваться с цепи и, поимев такой затёс, начнут лавину вопросов, оценок, суждений, недвусмысленностью которых наш крошка Цахес – завкафедрой боеприпасов артиллерии и взрыва Дмитрий Дмитриевич Протопопов с повлажневшими руками и волосами – будет погребён, а вместе с ним рухнет и общее прибежище – кафедра, которая, по мнению Дарьи Семёновны, и есть сборище тунеядцев».

Нет, он, Мокашов, не против, а за соучастие в труде.

– Время просто такое. Коллективных работ, – говорил Кирилл. – Уборка горожанами картофеля, патрулирование дружинниками города, коллективная подготовка диссертации...

Думаю, и до обхаживания женщин скоро дойдёт... На диссертацию собирается команда... А ты...

– Я за самоочищение кафедры, – отбивался Мокашов, – за истину в последней инстанции, за правду обнажённую, которая, впрочем, никому, если разобраться, не нужна, и даже губительна. Хотя, по идее, она считается чистым ручейком, что промоет себе дорогу. Но когда?

«Стоит только тронуть ком, – подумал Мокашов, – и понеслось... Но как вести себя потом, после защиты, на разборе полёта? Удобнее просто развести руками и прикрыться непреодолимым. Мол, ничего не поделаешь, время сильнее тебя. На кафедре скажут: «А что особенного? Ведь такое общепринято. Есть вклад в общее дело, и ведущий его объединяет. У каждого собственный плацдарм, свой успех и орден». Так в чём тогда орден его – Мокашова? В хорошем отношении к нему? Согласитесь, это слишком слабо. Да разве не хочется, чтобы окружающие оценили тебя, и все, даже Люба, повторяли, что Мокашов – голова, а не как теперь – голубчик Мокашов. Чтобы за спиной твоей шептались и, как на Левковича, указывали и приходили посмотреть с соседних кафедр. Чтобы, разумеется, попутно не обошёл тебя поток медалей и званий... Чтобы ценили и здесь, и за рубежом. Чтобы и в жизни, наконец, у тебя появилось всё... Размечтался. Как же...

Есть хрупкая грань, до которой шеф всё-таки полководец, а за ней – лишь жалкий плагиатор. Я знаю и могу нащупать её, но почему именно я должен стать святее римского папы? Эйнштейн – тоже не Богом был, и то, что он обобщил, тогда уже летало в воздухе и появлялось там и сям в разных местах, заявленное Лоренцем и Пуанкаре.

Да что у шефа шефово? До появления Мокашова на кафедре он мутно-мистически истолковывал трещины тротуаров. Они расходятся, видите ли, под тем же углом, что и ветки деревьев, и он увидел в этом не что иное, как всемирный закон. А исходил из дробления гранат, дробившихся по-своему. Но нужно быть наглым выдумщиком, чтобы в трещинах и ветках с тем же углом увидеть всеобщий универсам. Всё это – элементы шизоида. Мне кажется, следует танцевать от геодезических, с принципом наименьшей энергии, хотя мои досужие рассуждения лишь по поводу. А будет поздно. Словом, решайся, Робин Гуд!»

Шеф всё уверенней ходил вдоль плакатов, тыча время от времени в них указкой, но он не мог всех разом обмануть. Ему казалось, что где-то там, среди многоглазой толпы, заполняющей зал с доверчивым простодушием, возможно, в первых рядах или сбоку, или позади сидит этот некто. Некий неопределенный тип. Какой-то лысый или заросший, дальнзоркий или в очках, мордатый или скелетом тощий. Он может быть совсем непохожим на учёного, непохожим на всех. Сидит себе, пока про себя усмехаясь, не торопясь – есть ещё время у него, и некуда спешить. Он ждёт, и от ожидания у шефа холодеет в животе, и он с тихим ужасом думает, что когда закончится доклад, этот лысый, румяный или в очках поднимет руку или выйдет к доске. «Я знаком с этим вопросом некоторым образом...»

Протопопов думал и не думал. Всё искрами пронеслось в голове, неся неизбежную тревогу. Впрочем, со стороны казалось, что он оправился, и защита идёт традиционным стандартным путём.

5

Вопросы докладчику задавались голосом с места. И хотя они были все об одном и том же, каждый задавал вопрос по-своему. Спрашивающие волновались. Аспирант с кафедры привода даже побелел. Аспиранты часто варятся в собственном соку, и для них выход на люди – целое событие. И был случай: аспирант с кафедры термодинамики на предзащите совсем потерял дар речи и внезапно онемел. Мычал что-то нечленораздельное.

Одни члены учёного совета абсолютно спокойны. Они заслужили право задавать даже нелепые вопросы. У всех на глазах совершалась трансформация Протопопова. Если поначалу он кому-то казался запутавшимся в собственной паутине, то теперь почти оправился, хотя и чувствовал опасность.

«Говорят, завезённый на сушу осьминог безошибочно узнаёт, в какой стороне спасительная вода, и стремится к ней безошибочно. Но в чём шефова стихия? Он боится не нас. Для нас он, по сути, плантатор, владелец большого поля или выжженной делянки в лесу. Он платит нам, он купил наш труд, и мы – его рабы, вроде современных крепостных. Он кормит нас, а мы собираем ему научный урожай, которым он распоряжается. И что с того, что ты – умелец и изобретатель? Ты продал свой труд, и шеф вправе сказать: это мои овцы, я их стригу. А кому хочется быть овцой? Можно встать и заявить об этом прилюдно и предъявить шефу счёт. Только защита коротка, а что потом? Искать себе место? А где его найдёшь? И к чему приключения на собственную задницу?»

Раз шеф волнуется, значит, он чувствует врагов. «Осьминог чувствует врага. А кто его враги? Дельфины, акулы или мурены. Он сначала пробует их напугать и вспыхивает ярким красным цветом. Иногда ему это помогает, но не всегда. Злейшего его врага – мурену – этим не проведёшь. Мурена безжалостна. Она загоняет осьминога в тупик.

Но может, у шефа фобия? Какие у нас мурены? Грядка кафедры прополота. Исчез завлаб, прихвачено даже партийное влияние. Парторгом кафедры стала Генриетта – шефова гражданская жена, а кафедральным сошкам дали по мозгам.

Пугают всех лишь шефовы заявки: вернуть в исходное, обнулить, начать с чистого листа. О чём здесь речь? О кадрах? А кого следует искоренить, как сорняки, засоряющие научный огород кафедры?

«Нужна прополка, – это шефовы слова, – иначе всё зарастёт. Неполотое поле погрязает в сорняках. Откуда они? А бог его знает! С соседних лугов, принесённые ветром, от птиц. И растаем выше головы в дикости».

Бумаги учёного совета раскладывал перед защитой Толя Овчинников – шефово доверенное лицо. Он пока в непонятном статусе, но по разговорам, скоро станет новым учёным секретарём. А прежний? Прежнего попрут – устарел и должен место освободить. Овчинников был сокурсником Кирилла. «В бытность мою в Англии» – так звали его в то время в лицо и за спиной. «В бытность мою в Англии» – была его излюбленная фраза. Юнгой ему пришлось поучаствовать в кругосветном плавании военных кораблей. Когорта заходила в разные порты. «Визитом мира» называли газеты этот поход. Но не экзотика поразила тогда юного моремана, а британский комфорт. Качество тамошней жизни стало его знаменем, и он неизменно по поводу и без повода повторял: «В бытность мою в Англии...» Со стороны это выглядело забавно. Над этим смеялись, но он не замечал – так велика была его мания увиденного.

Судьба его контролируется свыше и изначально предопределена. За спиной его – стартовый блатной ускоритель, и он на глазах у всех, всем на удивление, разом взлетел надо всеми: попал на кафедру, но не задержался, и трудно было угадать, сколь высок и продолжителен окажется его полёт. Он общается с Теплицким.

А доцент Теплицкий? Теплицкий звёзд с неба не хватал. В науке сам ничего не сделал, но знал цену другим и поступал соответственно. В последнее время здорово темнил, и поговаривали: он уже практически одной ногой «здесь», на кафедре, а другой – уже «там».

И верно, кафедре необходима прополка. Растёт чертополох и зарастает всё первобытным лесом. Так выступить или не выступить? Не прятаться, не скрываться, не юлить, не чувствовать несправедливости и недоговорённости, не врать себе лишний раз, оправдываясь, что ныне время коллективных работ, хотя я – индивидуум, не эгоист, нет, но просто человек. А в человеке разом собачье и кошачье. Собачья напористость и кошачья независимость. Но по силам ли ему выступить против? Почему бы и нет? Выступил же Давид против Голиафа.

Лично он ничего не имел против шефа. Шеф ему скорее нравился. Шеф внешне не похож на вузовского преподавателя. В шефовом лице нет многозначительности, происходящей от общения со студентами и убеждённости в своей значительности. И хотя теперь он

минутами бесславно выглядит, у него всё ещё впереди, он ещё отыграется за публичный позор. За двадцать минут общественного поругания».

Глава 5

1

На защиту Дарья Семёновна не пошла. Должен же кто-то остаться на кафедре. Она выключила свет в коридоре (нечего зря электричество жечь!), достала из стола подобранный записку и надела очки для чтения, собираясь её, наконец, прочитать. Хотя на кафедре её обозвали общим громом, на самом деле она не имела к этой записке отношения.

Люба сразу уверенно заявила, что записка – дело рук Дарьи Семёновны, что она со стенда «Красной площади» – институтской толкучки-перекрёстка, на котором вывешивали чертежи. По делу записка была интересна только Кириллу, и он хмыкал, её читая. В записке говорилось об экстремалах-байкерах, что бросали вызов всем в ночных соревнованиях. Кто быстрее домчит ночными улицами от главного здания МГУ на Ленинских горах до «Площади трёх вокзалов»? На бешеной скорости, разумеется, игнорируя светофоры. Словом, полное светопреставление и своеобразная русская рулетка. Приглашаются все желающие.

Только как она попала на кафедру? Такую записку мог подсунуть Кириллу провокатор и истинный враг, жаждущий его смерти. Обнаружив на машинке записку, Люба её тотчас показала Кириллу, правда, возмущаясь в сердцах, а тот записку прочитал и списал адрес.

В отличие от прочих институтских кафедр и лабораторий, кафедра боеприпасов считалась особо режимной. Об этом говорили её двери со звонком, обитые железом, и особые порядки. Например, заявку на пропуск сюда мог подписать только завкафедры Дмитрий Дмитриевич Протопопов или исполняющий обязанности завла лабораторией Кирилл Рогойлов.

Когда с проходной позвонил некий Виталий Прокопенко, Дарья Семёновна сначала искала его фамилию в списке посетителей под стеклом у шефа на столе. Но не найдя и не имея указаний на его счёт, пообещала, что тотчас о нём справится, только сейчас идёт защита, и не мог бы он подождать? На что тот ответил, что подождёт. Он будет ждать вестей в сквере на скамейке, как раз против проходной, если её не затруднит.

Дарья Семёновна краем уха слышала, что у этого посетителя с шефом какие-то важные дела. Шеф его упомянул в разговоре, и она не могла теперь этого не учесть. Она постарается и обязательно сходит, сделает всё возможное. На всякий случай спросила:

– Может, ему что-нибудь хочется Дим Димычу передать? Он может сдать тогда пакетом на входе.

Но посетитель ответил:

– Вы угадали, мне следует передать, но только лично в руки Протопопову.

– Тогда ждите.

2

Тут же по внутреннему телефону позвонила жена бывшего завлаба Павла Николаевича Супруга. Он был галантно старомоден и в разговорах её иначе как супругой не называл.

Она пояснила, что здесь с его поручением – получить расчёт и мелочёвку, оставшуюся из его стола, забрать. Сам он не в силах появиться (очень остро переживает увольнение), и потому её, супругу, с доверенностью послал.

С Дарьей Семёновной они были накоротке, и она не смогла ей отказать.

– Как же так, Дарья Семёновна?! – начала «супруга» со слезами на глазах. – Как же, дорогая? Мы так вам верили... Это здесь, – она обвела лабораторию горестным взглядом, – четверть века, локоть о локоть, – а хотела, наверное, сказать нос к носу, – в этой самой лаборатории...

Слезы, видно, мешали ей говорить, и возразить было нечего. Действительно, они высидели здесь свой век с Павлом Николаевичем и, хотя и цапались, ближе им никого не было на кафедре.

– Мне Павел Николаевич говорит, – пускала слезу «супруга», – что именно вы воткнули ему нож в спину.

Это было слишком, и хотя Дарья Семёновна чуть сама не заплакала, она не могла выслушивать такое.

– Я только зашла вам в глаза взглянуть. Как вы могли?

На это Дарья Семёновна строго поджала губы.

– Верьте – не верьте, но я здесь ни при чём, хотя мы четверть века вместе и чего только между нами ни было.

– Вся жизнь его – здесь, – всхлипывала супруга, – он душой здесь, и мы теперь с ним только о кафедре и разговариваем...

Всё это в принципе было верно, и прогнать «супругу» с кафедры теперь было бы бесчеловечно. Но Дарья Семёновна в то же время понимала, что Прокопенко не станет бесконечно ждать возле проходной, и нужно поторопиться с пропуском. Оставить здесь посетительницу одну, согласно требований режима, тоже было нельзя, и Дарья Семёновна слушала причитания «супруги» и ей сочувствовала.

По её мнению, Пал Николаевич был сорокалетний молодящийся стрекозёл, за которым нужен глаз да глаз. Он и Любу сюда с особым умыслом привёл, и она не думала его жалеть, но сидела как на углях, слушая «супругу». Что ни говори, Пал Николаевич многое знал и в последнее время делился с женой. А Дарье Семёновне на кафедре теперь просто по-человечески не с кем поговорить, и Пал Николаевич был здесь неслучайным человеком.

Коснулись защиты. «Супруга» при этом уверенно утверждала о наличии в этих стенах пятой колонны, у которой постоянно на уме мысль завалить шефову защиту, и это не кто иные, как Мокашов и Кирилл. А Мокашов даже своих друзей на защиту пригласил, приятелей из Краснограда, и шефу готовится подстава. И нет верного человека, чтобы защитить.

«Не знаю, не скажу про Кирилла, – подумала Дарья Семёновна о его назначении вместо Павла Николаевича, – но Мокашов определённо совсем ни при чём».

– Я так не думаю, – посуровела она, глядя «супруге» в лицо, – надо и меру знать, и обвинять без причин не дело...

Вокруг защиты было много болтовни, и она от неё устала. Посплетничали и о Теплицком. Если от кого-то и ждали неприятностей, то именно от него – фигуры таинственной и перспективной, по мнению людей сведущих. Да, это и есть настоящее зло, и хуже нет ничего. У него и жена, и дочь на выданье, но это ничего не значило. А жена – дочь руководящего работника – воспитана в особых правилах, что даже охранника может киллером нанять, если дело далеко зайдёт. Но зашло ли, не ей судить.

Почему-то на кафедре считали, что закладывает всех она с её кондуитом. Так всегда бывает: очевидным считают первое, что бросается в глаза. А она, скорее, хранительница кафедрального очага, и Дим Димыч ценит её. О Теплицком она толком ничего не знала. С кем-то у него по определению был роман. Вероятно, с Любой. Она и Любе не желала плохого и жалела её: «безбашенная она». Пал Николаевич несомненно Любу с особой целью приглашал. Так бы оно и вышло. А куда девушке деться, в конце концов? Пал Николаич ведь такой у нас герой! И они с «супругой» посмеялись.

Дарья Семёновна никому не завидовала, хотя и внутренне сокрушалась, что вовремя не выучилась, но время было такое, не до того. А хорошо бы выглядела на двери кафедры табличка с надписью: «профессор Дарья Кулешова».

3

Когда «супруга», наконец, ушла, позвонили из ИПМ.

– Заказали пропуска на защиту?

– Защита уже началась.

– Ничего, мы успеем. И перестаньте слать нам анонимки.

– Вы о чём?

– Могу почитать о плагиате Протопопова. Мы вам послали письмо насчёт имплозии.

Ответ на ваш запрос. Когда послали? Нет, не секретная. Смотрите в почте.

Позвонила Инга.

– Мы, Дарья Семёновна, с вами без секретов. Но что у вас творится? На днях позвонила мне неизвестная женщина. Моя доброжелательница (мир не без добрых людей). О вашей Любе. Да кто она, и что у неё с моим мужем?

– Она машинистка, и, думаю, ничего.

– Нет дыма без огня. Хочу прийти, взглянуть на неё.

– И посмотреть нечего.

– У неё серьёзные отношения с Борисом?

– Да кто это вам сказал? Поверьте, ничего серьёзного!

Дарья Семёновна подумала, что кто-то действительно сбивает Любу с толку. Наверное, Кирилл. Ему-то хоть бы что, а Мокашов всем нравится. Беззащитный «голубчик Мокашов». По слухам, несчастлив с женой. Люба сказала об Инге, его жене: «вроде бы крутит с Кириллом. Есть такое мнение». Так она подумала, а вслух сказала:

– Не знаю, не думаю. Не слушайте никого, сплетниц тут полно.

Снова позвонили из ИПМ:

– Ответ нашли? И как с пропусками?

– Не смотрела ещё, – ответила она в сердцах, – и я не Шива с десятком рук.

– Найдите Левковича. Подсуетитесь, в конце концов.

«Бесцеремонные». Она сходила к зрительному залу и попросила передать записку Левковичу. Затем зашла в экспедицию и отыскала пакет из ИПМ. Он, видно, до этого попутешествовал по факультетам. Был распечатан и в потрёпанном конверте. Она положила пакет с имплозией шефу на стол.

Снова звонили из ИПМ. «Такие не остановятся».

Глава 6

1

С вопросами шеф менялся. Он не был безобиден в ответах. Язык у осьминога – рашпиль, и может работать как сверло, сверля броню прочих защитных раковин. Жалкий, загнанный в угол паучок вырастал в мифического кракена. В огромного Сверрова кракена, о котором и по сию пору ведутся споры: был ли он на самом деле или плод разгоряченного воображения?

«У шефа особенные глаза, – думал Мокашов. – У кракенов они необыкновенные. Блюдечками. Пронзительно смотрят они на тебя. В лучистых морщинках, и закрываются они, как у осьминога: точно шторка задёргивается, как Димкин мешок для кедров... А как его понять? «Вы не просто инженер по диплому. У вас инженерный склад ума». (Обругал или похвалил? Пойди пойми). «Вы как собака: мыслите математически, но не умеете сказать». «К чему вам эксперименты? У вас прекрасная теория. Бросайте свои опыты ко всем чертям».

Нет, он не станет бросать. Это он прежде бросал, в Краснограде. Там у него впервые вышло. А может, он так считал? И верилось, что так будет всегда. Его не трогала поначалу тема жидкого взрывчатого вещества, навязанная ему, до тех пор пока он «глазами бога» не увидел форму распада жидкой струи, её неустойчивости.

Обычно как снимается струя? Летящей в воздухе. И голова струи, разрушаясь, скрывает всё. А он додумался снимать медленно истекавшую струю в спутном потоке воздуха. Снимки

получились идеальные. А в темноте, при вспышке, и невооружённому глазу видны её особенности. Оказалось, глаз – очень совершенный инструмент, но ему мешают наслаивающиеся кадры. Ах, как красива картина сверкающей струи! Но на ней не видно видов неустойчивости. А тут они ему замечательно открылись. Перед распадом изгибается струя, как змея, и разрывает её всё то же капиллярное пережатие. В темноте вспышка выхватывает мгновение, и глаз видит форму неустойчивости. Как глаз Бога – идеально. Такое дорогого стоит. Этого не видел никто, как не видели невооружённым глазом разлетающиеся продукты взрыва.

Нет, он не выступит против. Он не герой, и у него своё нужное дело, и верно правило: «Не судите и не судимы будите». Короче, лучше не вмешиваться, закрыть глаза, ходить себе с бутафорской улыбкой Теплицкого и говорить Маниловым одни лишь ласковые слова. И всё получится самым распрекрасным образом. Но до тех пор, пока твоя внутренняя противоречивость не взорвёт деланную идиллию и, возможно, попутно погубит и тебя самого».

2

Теперь Протопопову оставалось только слушать. Он сидел в приставном ряду, вдоль стены. С отпечатанными выступлениями выступали оппоненты. Оппонентов слушали вполуха. Естественно, они высказывались «за». Протопопов поворачивал бледное лицо. Он был похож на космонавта, решившего действовать на свой страх и риск без помощи центра управления, но потративший слишком много топлива на стандартный манёвр. Теперь Земля разбиралась, а он ждал её решения, не имея возможности вмешаться.

По сути своей, Протопопов не был ни учёным, ни администратором. Он был артистом, перепутавшим подмостки театра. Он был спокоен, но мог прикинуться жалким, мог убеждать вкрадчивым голосом, и это у него получалось. Как и многих незадавшихся людей, его влекло к себе непонятное «великое». Ему хотелось в этом поучаствовать, хотя бы чуть-чуть коснуться. «Великое» рождается неожиданно. Он помнил крылатые слова:

«Мысль была ещё слишком слаба; наука на степени школьного знания, – но поэзия обогнала тугой рост русского просвещения, и в этом её особенное историческое у нас значение», – написал Аксаков о Пушкине.

Глава 7

Когда бывший следователь по особо важным делам Виталий Прокопенко, позвонив на кафедру, уселся в скверике напротив проходной института, собираясь ждать, он ещё не знал, что в эти самые минуты решалась судьба его заказчика – Дмитрия Дмитриевича Протопопова. Минуты защиты казались самыми важными для него, и чаша весов оценки учёного совета склонилась к обманчивому равновесию.

Виталий Прокопенко пришёл сегодня к бывшему сокурснику неожиданно. Они не договаривались. Они чуть ли не четверть века до этого не виделись, не встречались и слышали друг о друге только из вторых рук. Судьба по-разному распорядилась с каждым из них. Дмитрий Дмитриевич Протопопов стал завкафедры престижного вуза, их бывшей альма-матер, а Виталий Прокопенко – бывший следователь-дознаватель МВД, а ныне отставник – подрабатывал случайными заработками и еле сводил концы с концами. Когда Протопопов отыскал его и предложил встретиться в кафе, он был удивлён. Они встретились, и оба были поражены причудами вейтеля-времени, изменившего их внешний вид.

Прокопенко в студенческие годы выглядел щёголем. Привлекали внимание его тщательно уложенный зачёс, складки брюк стрелками и модные рубашки. Достать тогда такие было трудно, но не для него. Он жил в общежитии с иностранцами. Начальные годы учёбы, впрочем, обоим не запомнились.

Виталия окружала тогда прыщавая команда, шайка-лейка (он был её негласным лидером), крепко озабоченная и объявившая своим лозунгом: «Все силы на поебон бабца». Но эти

в первую же сессию сгнули. Всех их повыгоняли, и из всего пёстрого сообщества остался только он, и даже как-то промылился в престижное общежитие с иностранцами, что поднимало его в глазах окружающих. Тогда-то и стал он отлично выглядеть. Одежда его всегда содержалась в полном порядке, и из всех сокурсников он один употреблял мужской одеколон.

С ним долго крутила красивая Людка Хобич, чтобы, в конце концов, натянуть ему нос и выйти замуж за Эрика Шульмана, который в студенческие годы, казалось, внимания на неё не обращал и демонстрировал полное равнодушие, как опытный хищный зверь, сидел в кустах у водоёма в засаде, и ему только оставалось к жертве лапу протянуть.

Неизвестно как, но Виталия после института обошло обычное распределение, и он попал в МВД следователем. Но с этим у него что-то не заладилось. Он пострадал, был ранен, вышел рано на пенсию и обзывался теперь частным детективом по вызову, подрабатывая деликатными поручениями от случая к случаю. При ходьбе он волочил ногу и по-прежнему одевался аккуратно. А Протопопов, как был, так и остался внешне малозаметным, но значительным по сути, хотя с годами тоже несколько сдал.

Они не виделись после института, перебиваясь скудными сведениями от бывших сокурсников при случайных встречах. Но зная, что Виталий попал в МВД, и высоко ценя его связи и опыт, Дим Димыч подумал, что мог бы помочь Виталию, устроив его нештатно на кафедру, для подработки и даже в смысле престижности в известном вузе, что, несомненно, в его положении было бы немаловажным. Однако что тот действительно из себя представляет, он не знал и теперь вглядывался: не спился ли, и тогда полученным с его помощью требующимся сведениям будет грош цена. И сможет ли он выполнить протопоповское поручение, как хотелось бы, и на что вообще в данную минуту способен?

Конечно, Протопопов мог обратиться с тем же к своим институтским кадровикам, но засиделись они, потеряли нюх, и тут могли быть задействованы перекрёстные связи, которые не только бы не поспособствовали деликатности дела, а наоборот.

Внешний вид бывшего сокурсника удовлетворил Протопопова. Он был достаточно приличным и в то же время подтверждал зависимость Прокопенко, говоря о том, что коллега на мели и любой заказ важен для него.

– Вот что требуется, – сказал сходу Протопопов, не желая тратить время на вступительную чепуху, – нужно кое-что выяснить относительно моей гражданской жены. Мы вместе около пяти лет, но я о ней в полном неведении. Она моложе меня на двадцать лет, и мне о ней мало известно, а известное кажется спорным...

– А есть основания? – спросил Прокопенко.

Но Протопопов отвечать не стал, как бы подчёркивая этим, что пока вопросы неуместны.

– Ты не мог бы взяться за это? С твоими связями (я навёл о тебе справки) тебе это не составит труда.

– А что бы хотелось узнать?

– Всё. Всё, что возможно.

И не откладывая дело в долгий ящик, они договорились об оплате и начале работ.

– Да поживее, – добавил Протопопов, завершая разговор.

На это Прокопенко кивнул. Он понимал, что клиенту следует показать оперативность и в пару дней собрать елико возможно. Словом, действовать молниеносно, подчёркнув, что и мы умеем кое-что, и растопить естественный на первых порах лёд недоверия.

Усевшись в скверике у проходной, и отнюдь не озабоченный ожиданием, Протопопов от нечего делать стал проглядывать начатое досье, и проходной из внимания не упускал. Досье было роскошно оформлено, хотя и составляло пока несколько листов (оформление на первых порах придаёт заказу видимость серьёзности), и содержало только проверенные факты.

Объект – искомая Генриетта Николаевна – имеет совсем иное имя в действительности, не разведена, в Украине у неё сын и дочь, и она оформляет бумаги на наследство (пока лишь факт, и требуется довыяснение). У неё близкие отношения с Теплицким (служебный роман?), который тоже не разведён. Теплицкий полон амбиций, и по разговорам в узком кругу заявлял, что очень скоро возглавит кафедру. Буквально на днях в Институт Прикладной Математики М. В. Келдыша пришло письмо о предстоящей защите со ссылкой на труды Ракетно-космической корпорации «Энергия», тем самым подтверждая плагиат заказчика... и это всё пока. Немного, но для начала достаточно.

Нужно было обсудить уже собранное с глазу на глаз и дальше двигаться в согласованном направлении.

В проходной института в этот день дежурил Володя – своего рода местный дурачок из охраны, из тех, что любое дело доводят до абсурда показной важностью. Он был местной достопримечательностью. Над ним шутили и одновременно побаивались.

Володя фокусничал, обыскивал студентов, и они со смехом соглашались показать, что у них в портфелях, сумках, чемоданчиках, шутили и одновременно боялись его. В обычные дни Прокопенко прошёл бы на территорию, пользуясь старым удостоверением, но в этот раз не хотелось рисковать, связываясь с дураком -Володей, да и визит не безупречно выглядел бы на первых порах, хотя ему было смешно видеть, как напрягался этот доморощенный страж порядка, выглядевший в его глазах паяцем.

Он мог бы походя напугать Володю, но поначалу не стоило высовываться. А в случае скандала в проходной досье могло угодить в чужие руки, что нарушило бы условия контракта.

Время шло, и посещение затягивалось. Он сам был в этом виноват. Следовало предварительно созвониться и согласовать встречу. Но он понадеялся на удачу. «Ладно, ещё не вечер, – решил он про себя. – Теперь, пожалуй, лучше уйти, а завтра, созвонившись, с утра устроить кафедре моноспектакль «Ко-ко-ко».

Когда Дарья Семёновна, наконец, появилась у проходной, собственноручно неся пропуск Прокопенко, агент ушёл, и она вздохнула с осуждением: мол, больно нервные стали, не могут подождать.

Глава 8

1

Сравнение с головоногими подходило Протопопову. О бородавчатых тевтисах писал ещё Аристотель. Известен колоссальный пуल्प де Монфора. Но необыкновенен сам по себе даже мелкий осьминог. Из-за того, что пищевод спрута проходит через мозг, он не глотает крупную добычу, несмотря на размеры и аппетит, а лишь мелочь не больше муравья. Вопрос лишь в том, кто для шефа крупнее муравья?

И есть эффект самопожирания – для животных это необыкновенное свойство. По-человечески это принцип: «А пропади всё». Такая возможность существует в последнем слове. Но это если полностью сойти с ума. Осьминог способен прикинуться мёртвым.

Недавно на кафедре выбирали шефу зама. Поступило указание ректората. Кому руководить в его отсутствие? Поначалу решили, что Левковичу Моисею Яковлевичу. А кому ещё? Бесспорно, он опытный и заслуженный. Все горячились, а шеф молчал. Требуется его одобрение, а он молчит. И поползли слухи, что, мол, в Совете не заладилось, и получен анонимный сигнал и о Левковиче: беспартийный, мол, еврей, возможны сионистские воззрения. Так и повисло с заместительством.

Каждый раз, когда наступало время говорить учёному секретарю, в зале возникал шум. Голос его был тих и бесцветен.

– ... Слово предоставляется... профессору Левковичу, – прошелестел секретарь, и к трибуне пронёсся Левкович, что-то бормоча себе под нос. Не снижая скорости, словно проход был отрепетирован заранее, он обогнул стол, по ступенькам поднялся к трибуне и, возложив руки на подставку для бумаг, уставился в зал. Председатель взглянул на секретаря, тот кивнул и звякнул звонком: можете начинать.

– Закон естественного отбора не властен над человеком, – скрипуче произнёс Левкович. – Мы научились небезуспешно обходить его. Но он прижился в науке...

Движения стихли. Теперь глаза присутствующих были направлены на лысого человека, державшегося за края трибуны, как за поручни капитанского мостика, уверенно, словно он и был здесь капитаном.

– ... Отбор не решает категорично, и разные точки зрения долгое время сосуществуют. Есть много методов, и нет оценки: что плохо и что хорошо?

Левкович поглядывал в зал маленькими глазами и оттого, что они были близко посажены, его взгляд выходил пронзительным.

– ... Позволю себе напомнить уважаемому собранию слова Анри Буассе: «Наука имеет лишь одно оправдание присущей ей монотонности – то, что она служит конкретной цели». Несколько слов о цели этого исследования...

– Выбиванию денег она служит, – обернулся Кирилл. – Странно. Тебе не кажется? Вокруг да около, а скоро его прервут.

Мокашов посмотрел на шефа. Протопопов был бледен и часто поднимал руку к лицу.

– Теперь самое время вашему шефу прикинуться мёртвым, – сказал Семёнов. – Как у насекомых: сложил себе лапки и не дыши. Не бойся, оживёт твой шеф к концу защиты.

– А по мне, хотя бы и не ожил.

– ... Мне посчастливилось присутствовать при рождении идеи изложенной работы...

– Идею, как известно, он у тебя украл, – снова обернулся Кирилл. – И не совсем ясно, станет с тобой за это расплачиваться или тебя со свету по этому поводу сживёт, чтобы не мозолил глаза.

– ...отдать должное диссертанту, сумевшему привлечь столь абстрактные математические понятия к решению конкретной задачи...

– Не привлечь, а притянуть за уши, – прокомментировал Кирилл.

– Тише, – прошептали сзади, хотя до этого сами переговаривались и шелестели за спиной.

2

Не ищите логики и справедливости в мире своём. Как правило, они целиком из вашей головы, хотя и не хуже других. Вы хотите справедливости для себя, но это эгоизм. Вы хотите переделать мир в той степени, в какой шальная частица мира завладела вашей головой. «Ну, так что же, голубчик, дерзайте, – повторял шеф, – но многие начинали с этого и, уверяю вас, на этом сэкономили бы, если бы им позволено было повторить жизнь».

– У Левковича заигрались. Им требуется вливание, свежая кровь, – говорили о кафедре.

В институте обычно говорили: «у Левковича», хотя шефу, наверное, подобное казалось незаслуженным и обидным, и защита служила тому подтверждением. Между ними с виду не было противоречий, да и не могло быть. С Левковичем больше считались, и он мог позволить себе многое. Во время защиты он уже пару раз выходил из зала, должно быть, куда-то звонил.

Председатель позвонил в колокольчик. Левкович сел, но шум в зале не унимался.

– Отличное выступление, – прошептал Пальцев.

Мокашов внимательно посмотрел на Протопопова. Тот сидел один в пустом боковом ряду. От него уже ничего не зависело, но он не отдыхал. Он слушал с таким напряжением, точно сам был режиссёром-постановщиком идущего спектакля. Так казалось со стороны. На самом

деле всё было не так, Протопопов слушал невнимательно. Его волновал только тон. Благожелательный тон его успокаивал. На лице его появились слабые краски: он оживал.

«Засветился чуть осьминог своими хроматофорами, а испугается – и снова станет пепельно бледным». Поражало, что Протопопов предварял взглядом выступавших, словно это был поставленный им спектакль, и он знал наперёд каждый ход.

3

«А чего волноваться? – думал Кирилл. Защищаться ему казалось легко и просто. – Наиболее эрудирован в вопросе, конечно же, сам защищающийся. Не будь волнения и страха, он вообще был бы неуязвим. История любой науки действительно летопись борьбы, и не идей, а влияний и личностей. И к чему все эти защиты? Они – как парады для армии. Армии нужны не парады, а учения. И вообще всё уже надоело, и скоро ли конец? Интересно, кто приглашён на банкет?»

Когда разговор о банкете зашёл на кафедре, Кирилл заявил:

– Оптимальная стратегия – подпоить шефа и вывести все его планы.

– А ты приглашён?

– Надеюсь, да.

– Могут не пригласить.

– Тогда мы сами заявимся и приведём обслуживающий персонал. Представляешь, явится толпа.

– Ещё умрёт, старичок. Хватит его удар. Придётся поминки справлять.

– Купим ему докторской колбасы и вручим от коллектива.

– Смеёшься, а для того, кто не приглашён – первое предупреждение.

В своём приглашении Мокашов не был уверен. В их отношениях с шефом произошла какая-то перемена. Он даже не помнил, с чего это началось. Дим Димыч перестал приглашать его, как прежде, в комнату кафедры советоваться, пошутить, решить пустячный вопрос. Они начали ходить как бы параллельными коридорами. Теплицкий тоже изменился по отношению к нему. Даже технический персонал кафедры стал относиться суше. И теперь, наблюдая шефа, Мокашов подумал: «А приглашён ли я?»

– Ты приглашён на банкет? – толкнул он Пальцева.

– На банкет? – оживился Пальцев. Недоумение отразилось на его лице. – Какое-то странное приглашение. На защиту и товарищеский чай. Он что меня китайцем считает?

– Плоды местного словоблудия, – кивнул Мокашов, – значит, приглашён.

– Долго ещё?

4

По роду работы Пальцев привык ко всяким ожиданиям. Правда, защита была ему новинку и поначалу занимала. Но он не представлял себе её полного масштаба и начал уставать. Выступления, следовавшие одно за другим, были удивительно похожими. Многие обладали к тому же невнятным языком и злоупотребляли техническими терминами, от которых он преднамеренно отвык.

Для журналиста вредна эта техническая абракадабра, – убеждал он себя. – Она притупляет требовательность к языку. Теряется та особенная музыкальность, которой он проверял добротность рождавшихся на бумаге фраз. Хотя он понимал, что диссертация суха собственно идей, и при защите нужно и пристрастия вложить. Пристрастия, правда, считаются чуждыми науке. «Наука есть наука, и единый путь её – абстракция». Это из Корана.

Его присутствие объяснялось некоей необходимостью. Защиты заделались спектаклями, и по Москве поползли слухи о тайном сообществе, ассоциации аспирантов, вершащей праведный суд. Тема в народе обозначилась и требовала разъяснения. Хотя, возможно, это не восстановление справедливости, а чистый садизм. Садисты есть везде, и среди учёных. Те, что ставят, например, только плохие оценки. Форменные крючки. Не станет издеваться над сту-

дентом порядочный учёный. Он снисходителен по своей сути, а издевательства – компенсация для крючков.

Попутно Пальцеву хотелось «совместить приятное с полезным» – наскрести данные на литературный портрет. Из здешней публики выделялась фигура Левковича, но она казалась очевидной, а хотелось иного. Вот, например, Севка-аспирант. Скажем, для очерка-портрета рядового фиаско гипернадежд. Нужно с ним поговорить в неформальной обстановке, может, на банкете. Он о нём Мокашова спросил, но тот только рукой махнул: «Рядовая коза аспирантуры. Увлечён глобальными идеями. Смоделировать трехмерный поток, заменить ЭВМ аэродинамическую трубу. Вычислительная аэродинамика – решение с достаточной точностью уравнений, описывающих газовый поток. Полностью их решить пока никому не удалось, называется вязкость, турбулентность, и для остального мира выход – в продувках, но не для него, и он бьётся над неосуществимой идеей, как рыба об лёд. Задача эта из их общих работ по моделированию входа в атмосферы планет летательных аппаратов с высокими скоростями. Конечно, жизни не хватит для этой цели, но Севка не сдаётся и теперь вводит диалог с машиной, который, как обычно, для него ничем не закончится. Для всех это факт. Но кому-то и на руку. Теперь его фишкой стали административные потуги – объединение парка вузовских машин. И Протопопов ему содействует, и Левкович, хотя и с иной целью – административного подчинения вузовских машин и создания вычислительного центра». Да, сумасшедший аспирант рисуется отдельной темой, и надо с ним переговорить.

Он и Мокашова спросил: «Хотел бы очерк на первой полосе о молодости в науке?», но тот только отмахнулся. Обыкновение технарей: не ищите, мол, всюду логики и справедливости. Они целиком из вашей головы. А мы – зеркальца, отражающие лишь часть окружающего мира. И отразив, стремимся осмыслить эту часть, постигнуть общую взаимосвязь вещей. Да, часто крохотное мыслящее зеркальце на грани отчаяния. Оно желает объять необъятное, а видит лишь то, что попало в него. А жажда справедливости при этом – эгоизм, желание переделать мир в той степени, в какой шальная частица мира залетела тебе в голову. Дерзай, но только оставь в покое других. Все начинают с этого и сэкономили бы, если б им позволили повторить их жизнь. Идеи твои, пожалуй, не хуже действительного мира, но точно из головы. Но если хочешь действительно сюжет, то присмотришься получше к этой дамочке. Ну, это я тебе скажу, создание... Киллер по сути своей...

Повертев по сторонам головой, он, поначалу спутав, уткнулся взглядом в Любу. Она сидела ближе. «Ангел с порочными глазами, – решил он уже про себя, – хотя ведёт себя совершенно по-обезьяньи: откровенно задрала юбку и почесала ногу, хотя, в целом, ничего».

Протопопова сидела на краю ряда. Пальцев уже знал, что она парторгом на кафедре. А об остальном можно только догадываться. Трудно было прочесть что-то по её лицу. На нём как бы одновременно присутствовали «и да, и нет». Необъяснимое противоречие. Перед защитой с нею здоровались учёные мужи, хотя она была для них совсем из другого мира, и институтов не заканчивала. Так сложились обстоятельства: не доучилась, нужно было работать. Хозяйка кафедры. С виду себе на уме. Чему-то улыбнулась, нахмурилась. Куда она смотрит? Да кто их женщин поймёт?

5

«Кафедра – моя вселенная, – утверждала Протопопова, убеждая саму себя, – её страна, нуждающаяся в управлении подданными. Кафедра для неё – всё. Она понимала, что это не вечно и просто так кафедру не удержать. Нужен альтернативный вариант, нужна опора, по которой она, как выходящая лиана, поднимется ввысь. Она понимала, что для того чтобы строить, нужен строительный материал, и хватит экспромтов на свою голову. Кому нужны лишние приключения? Для приключений найдутся и помоложе. А окружающие с кафедры обречены. Все поголовно».

На кафедре она сыграла свою роль постороннего человека, которому до всего есть дело. С таким хотят поделиться, и он задействован в общении безо всяких на это прав. Он всего лишь человек интересующийся, с ним охотно делятся, и через короткое время он со всеми накоротке и в курсе всего. Он способен держать в себе всю сеть событий, и если завкафедры паучок, то она его сеть. Люди слабы, им хочется поделиться и похвастаться, и он способен выслушать их и оценить. Причём не формально. Он способен выстроить систему и, в отличие от принципов демократии, он демиург-творец. Он способен и разрушить сложившееся. Для этого достаточно его уверенности, и хватит сил. Словом, он добро и зло в одном лице.

«Я научилась равнодушно смотреть на все их выкрутасы. Сквозь пальцы, – думала Протопопова. – Но это поначалу, и в ходе второго действие, и по большому счёту, нельзя никого жалеть».

Она уяснила себе, что время сейчас такое. Для тех, кто на коне. И все вокруг манипуляторы и фокусники, и фейком их разговоры о науке для неё. Их можно ловить, как ловят с ястребом или с крокодилом, которых самих, возможно, после не пожалеют охотники. Она прижилась, пристроилась, но как бывает с ранкой: бинт присох, и пришло время отдирать и не безболезненно.

«Не виновата я, что вы мне доверились. В моих руках теперь ваша судьба. И Севки-аспиранта, которому она сказала, не моргнув глазом, что его задумка уже выполнена в Прикладной математике. Чем повергла его в транс. О Макошове она поделилась с Ингой, сочувствуя и называя его неудачником, и заметку про байкерский экстрим собственноручно доставила на кафедру. А старому дураку Левковичу с его тоской изобретателя имплозии подлила масла в огонь. Он пострадал от собственных обид и готов вернуться в прошлое, зависел и от мнения Института Проблем Математики и Физпроблем, и теперь с ними, как марионетка на верёвочках. Туда она и отправила запрос».

Она интуитивно чувствовала, что для того, что ею задумано, время подошло, и одновременно сомневалась: может, ещё не вечер?

6

Было видно, что Теплицкий собрался выступать: поднял руку и встал. Послушаем. Но о чём это он? Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Вот те раз, карточный домик рушится! С чего это он? Банальное неумение или провокация? Час от часу не легче. А стоит ли кусать дающую руку? Но вольному воля, и бог ему судья, а может, крысы уже побежали с тонущего корабля?

Ан, нет! Ну, слава богу, выправился. В этом и есть высший класс – начать с известной долей провокации, а затем вырулить, и все любят твоим умением: какой шикарный разворот. Но нужно, чтобы дальше не понесло, не зарваться, не закружиться, подобно щепке в талой воде. И опять завывался, словно получая наслаждение, сродни студенческому. Купившего, наконец, проездной билет и заставляющего ожидать теперь контролёра, пока он шарит по карманам ещё и ещё, хотя достать ему билет – минутное дело.

Нет, Теплицкого понесло. Не годится всё-таки такая смелость, и хватит ли ему широты, раскованности, манёвра? Он, правда, и в жизни звёзд с неба не хватает. Ничего не открыл, хотя о многом наслышан. Однако не стоит спорить-ссориться. Теплицкий здесь – наш делегат, официальное доверенное лицо, приводной ремень кафедры и её персональный робот. Он обязан вырулить. Не может иначе. По большому счёту, вроде бы

обошлось. Конечно, не супер, в общем, на троечку. Подправить бы? А вот задаётся с места невинный вопрос, и всё подправилось. Разыграно, как по нотам.

Но обошлось ли? Нет, кажется. Но как выправить? Теперь бы Левковичу, но он уже выступил и повторного слова ему не дадут. Своим выступлением, можно сказать, он шефу спа-

сательного круга не протянул. Но отчего так беспомощен этот обычно бесстрашный рыцарь? Какая белая акула пугает его?

Левкович повязан академическими связями. Должно быть, ему звонили из Института Прикладной Математики или из Физпроблем: встречайте, мол, наших, – и ему мерещится теперь встреча с «Бедой», в клочки порвавшей всех на карпатском семинаре.

Глава 9

1

Севка-аспирант сидит от нас в следующем ряду и, отвечая ему, приходится оборачиваться. У Севки масса мусора в голове. Севка – интеллигент в третьем поколении и любит порассуждать. Разговаривать с ним интересно, когда на это есть время. Он одержим своей неосуществимой идеей и постоянно чем-то сторонним, хотя диссертация его в полном загоне. Мне он способен неожиданно сказать:

– Вот ты – гидромеханик практический, а я – духовный.

– Как это?

– Могу объяснить. Начну с агонии Земли. С её конца. Известен всем конец её истории...

У аспирантов масса времени, и они черте что могут позволить себе. В ряду общих тем, после успеха и волнений от «ядерной зимы» Никиты Моисеева, Севку волнуют судьбы человечества. Земля, известно, плохо закончит из-за Солнца. Светило разогреется и спалит всё на Земле. Придётся переходить в океан. Но существует уже такой опыт и почему бы им не воспользоваться?

Севка рассуждает в целом здраво, если не заводится, а заводится он, как правило, всегда.

– Ты знаешь, – объявляет он, – стали модными теперь толкования астрологов. Они манипулируют звёздами, а я практикую гадания на воде. Основой беру, например, подводный мир, и предсказываю по нему, что произойдёт. Не во всём, конечно, в основном.

Выдумал себе развлечение.

– А как?

– Методом аналогий. На свете ограниченное число стереотипов. Похожие типы у нас и в водной среде. Сначала выберем аналог и изучаем «кто есть кто?» И, понимаешь, получается поучительно.

«Надо же, – поневоле приходит в голову, – у Севки собственная тема в загоне, а он увлётся предсказаниями. Это так по-русски. На досуге обсуждать чорте что».

– Выбираем аналог... Метод строится на аналогиях с обитателями морской среды...

– Но почему морской?

– Исторически...

У Севки странная логика. Требуется пояснение.

– А в нашем городе был единственный стоящий кружок – гидробиологии, и мы из него.

«Выходит, мы с Севкой – однокашники-однокорытники, и выбирали кружки, что одинаковыми были в то время по Союзу: в Домах Пионеров и на Станциях Юных Биологов».

– А почему не с людьми?

– Можно и с людьми, но посложнее.

«Иногда Севка кажется шизоидом и не от мира сего, иногда рассуждает предельно здраво. С ним прекрасно коротать время. В рассуждениях время птицей летит. Как-то, ожидая зарубежного лектора в аэропорту, мы несколько часов с Севкой вынужденно профилософствовали, и время пронеслось незаметно».

– Ты сам сравнил шефа с осьминогом, – говорит Сева, – а у примата моря свой стереотип. Я сравниваю, и выходит на удивление похоже. Задай наводящий вопрос.

– Мне интересно, не чем закончит Земля (неактуально это для меня), а чем закончит наш шеф? Чем всё на кафедре закончится? Такое слабо?

– Пожалуйста. Я, как сказитель, отвечу тебе сказом... Несчастный осьминог до поры до времени ничего не подозревает, когда из глубины, из щели между камней, появляется мурена. Она не спешит, имея собственные планы на его счёт. Возможно, пока невинные – отыскать осьминога, что прячется здесь. Она знает это и видела его не раз, но было не до него: была она сыта, не в форме, занята иным. Но вот пришла необходимость ей поохотиться. Не для забавы, банальный голод поменял её манёвр.

– Севка, да ты поэт!

Севке мои хвалебные отзывы нравятся.

– ...Мурена направляет чувствительные ноздри в разные стороны в попытках уловить присутствие многоногой твари. А её будущая добыча пока об этом и не подозревает. Но вот присутствие осьминога установлено, и плоская змея не спеша всплывает, изгибая тело. С виду незаинтересованно. Словно ей ничего не требуется в данный момент. Так водится у хищников.

Завидя мурену, осьминог в панике мечется, пытается остаться в свободном пространстве, учащает реактивные толчки. Не помогают ему уловки в виде отброшенных ног, отделяемых самостоятельно мускульным усилием. Для него ноги – не беда, отрастут. Но мурене этого мало. Осьминог обречён. Она загоняет его в тупик и разрывает на куски.

– А кто у нас муреной?

– Натурально, Генриетта Николаевна. Однако продолжим. Спрашивай.

– Хорошо бы о Левковиче.

– Пожалуйста. Устанавливаем его морской стереотип. Аналогией ему, пожалуй, будет дельфин.

«Левкович определённо дельфин в морских аналогиях. Когда-нибудь, слава богу нескоро, планета наша станет планетой „Водой“, хотя это лишь продлит общую агонию и оттянет конец. Всё живое перейдёт постепенно в воду и адаптируется. Таков неперемный общий итог, и от него никуда не денешься. Но поучимся на совершенном до нас. Ряд сухопутных животных осуществил подобный переход. С суши в море ушли предки дельфинов».

– У дельфинов забавная история. Отчего дельфины в море ушли? Думаешь, из-за потопа, когда кругом всё таяло и континенты погрузились в воду по макушки гор? Нет, не поэтому.

Предки дельфинов были копытными хищниками. Видимо, из-за бездорожья, и в этом им, казалось бы, повезло. Копыто – итог сросшихся ногтей. Третий и четвёртый пальцы срослись в роговом футляре, как у коров, оленей, носорогов, бегемотов, и с ним нога точно в башмаке. Тогда, наверное, это было успехом, таким ноу-хау. Но было, да прошло. Неизбежны фокусы эволюции, и другие хищники начали копытных теснить. Мягколапые, что могут красться бесшумно, лазать по деревьям, вцепиться в жертву.

Теснить, а точнее, пищу у копытных отбирать. И требовалось поменять или стол на вегетарианский, или место охоты. И знаешь, что в основе эволюции дельфинов? Пагубный гастрономический интерес. Всеядным стал бегемот, а предки китов и дельфинов освоили море. Они отступили в воду, нашли себе место в воде, на полузатопленных побережьях, предпочитая охоту на рыб. Им нравился рыбный стол.

Похоже эволюционировали и киты. Однако киты – эти монстры стихии – докатились до того, что ограничились планктоном, океанической мелочью, что и на суше в виде мошкары, а дельфины – эти звериные дворяне – предпочли сохранить гордую родословную хищников и стали хищниками с рыбным столом. Причудами эволюции они лишились не только копыт. Им самим пришлось измениться с ног до головы. Приспосабливаясь к среде, они лишились копыт и задних ног, обрели плавники, освоили водную стихию.

«Левкович на кафедре появился пришельцем из иного мира, дельфином в нашем океане. Но в океане действительном они – групповые умницы, и в какие-то времена были даже самыми

умными на Земле. До появления человека разумного. В океане у них один серьёзный враг – акулы. А могли ли противостоять акулам мягкие дельфины тела? Но дельфины смогли».

Мы с Севкой поём дуэтом, играем как бы в четыре руки, и нам приятны наши гидробиологические реминисценции.

– Другие парнокопытные менялись, не покидая суши. Жирафы, ламы, верблюды и лани приспособились. Из общего хищного предка – креодонта – они превратились в жертвы, и их спасением стало убежать. А тонконогая антилопа достигла в этом совершенства. Она стремительна, прыгает на десять метров, чемпионка в прыжках. Так большинство из них стали вегетарианцами и жертвами мягколапых хищников, хотя некоторые остались всеядными и сохранили свирепый нрав, как кабаны.

«А дельфины, явившись в море эмигрантами, стали его разумными обитателями. В дельфиньем мозгу больше извилин, чем у человека. Двадцать миллионов лет назад дельфины были самыми умными существами на планете. А человек разумный появился лишь десять миллионов лет спустя. Но он резко поумнел за десять последних миллионов лет своей истории и стал разумнее всех.

Агония жизни на суше заставит всех уйти в океан и приспособиться к водной среде, как до того сделали дельфины, но человечество сделает это с помощью разума активней.

Дельфины менялись медленно, их создал такими отбор. Кожа их сделалась вихрегащей, объясняющей их рекордную скорость, а уши трансформировались в эхолокаторы, распознающие предметы под водой».

2

«А Севка не так уж плох со своими аналогиями, – подумал Мокашов. – Левкович – дельфин в океане института. Действительно, он авторитет, самый заметный на кафедре, учёный с мировым именем. Откуда у него этот бесплатный божий дар и не теряет ли он что-то у нас?

В истории дельфинов они всё дальше и глубже ныряли за пищей в море, и сухопутные ноги стали им не нужны. Они полностью эволюционировали в пользу морской стихии. Но в море свои заморочки. И в первую очередь, акулы.

Акулам, до того безраздельно царившим в океанах, был брошен вызов. Дельфины с их мягкими незащищёнными телами стали их соперниками. Но как им это удалось? Дельфины лучше соображают. При стычке они прицельно бьют акул носом в жаберные щели, в глаза и в мягкое незащищённое брюхо, у них отлажена групповая оборона. И скоординированные действия приносят успех. Дельфинам требуется стая. Без стаи дельфинам не выжить. Но всё же в целом роковая ошибка – уход дельфинов в океан, как и Левковичу в океан нашего института. На суше быстрее умнели, и люди рекордно изменились.

Дельфинам стая нужна, как и Левковичу. Он не против стаи, и вся его история: найдётся ли место ему в ведущей стае, вернётся ли он в неё?

Левковичу тесно у нас. Ему суперстая требуется. Известно, что с умными умнеешь, а с глупыми вынужден глупеть. Должно быть, это так. Левковичу требуется окружение его же уровня. На кафедре он предельно одинок, вершина на нашей научной периферии, вдали от когорты. Ему бы жить в Гёттингене: «Пожалуйста, ваш кофе, герр профессор, разрешите поухаживать за вами...» Профессор из дома на улице Горького с магазином «Пионер».

– Севка, а что мне посоветуешь? В моём теперешнем положении сам черт теперь ногу сломит.

– А знаешь, почему черт с копытом? – отвечает Сева вопросом на вопрос.

И понеслось... В Севкиной голове уйма ненужных знаний, они мешают ему сосредоточиться. Он растекается и несчастен оттого, что всем разом увлечён и у него тысяча планов. Он растекается мыслью по дереву.

– О копытах стоит написать монографию. О роли копыт.

– Так пиши.

– Там много неясного... Почему именно копыто у черта? Откуда? Из легенд, от козла отпущения, от языческого божества Бафомета? Да и языческого ли? Ведь Бафомет – латинизированный Мухаммед. В поклонении ему признавались тамплиеры под пытками. В языческой мифологии похожим покровителем природы был Пан. Словом, только начини, конца и края не видно. Разбираюсь пока.

Обычно с Севкой мы расходимся довольные. Для меня Севка – забавный человек. С Севкой не соскучишься. В глазах руководства Севка – определённо ноль, и мы ему сочувствуем.

– Севка, ты обязательно должен выступить.

– Ты думаешь?

– По делу выступить и остаться на виду. Иначе кто вспомнит тебя? Да и шефу нужна поддержка.

– Скажу честно, побаиваюсь.

– Но надо, Сева, надо. Тебе и ему.

– А ты что думаешь? – обращается Севка к Кириллу.

– Думаю, всенепременно.

– Тогда я подумаю...

Теперь Севка выступит. Обязательно. По-своему, он обязательный человек.

3

Прекрасному задуманному несложно оказаться ужасным.

Своё выступление Севка начал издали и так к теме и не подошёл. Он, увлечшись, рассуждал о методе, который не имел отношения к диссертации, но показался интересным и модным, и с головой в него погрузился. Когда его попытались выправить и к теме подвести, он, раздражаясь, вообще пургу понёс. Протопопов смотрел на него с ужасом. Конечно, Севка ничего дурного не желал и не посмел бы встрять против Протопопова, но с выступлением его защита начала рушиться как снежный ком. Попытки выправить вопросами с места были неудачными.

О корреляции метода с диссертацией Севка заявил:

– О чём вы? Ваш вопрос по своей сути – бред сивой кобылы. Ни о какой корреляции не может идти речь.

На этом его выступление и закончилось. И хотя ещё вяло тянулось обсуждение, задавались обычные вопросы и были ответы, но появилось стойкое ощущение, что защита несётся под откос.

Глава 10

1

Из рядов поднялась ещё одна незнакомая Пальцеву фигура.

– Кто это?

Пётр Фёдорович Невмывако собрался выступить. Сначала он шевелил беззвучно губами:

– Не собирался я выступать...

Его перебили. Поднялся учёный секретарь, сказал:

– Простите, откуда вы? Для протокола следует назвать себя.

Невмывако назвался, откашлялся и повторил:

– Не собирался я выступать...

И в это раз ему не дали говорить. Председатель постучал по графину колпачком ручки и сказал:

– Прошу соблюдать тишину. Выступающих просим выходить.

– Я не собирался выступать, – в третий раз повторил Невмывако, – но я знаком с темой изложенной диссертации...

Когда Левкович пригласил его по старой памяти на защиту, Невмывако действительно не собирался выступать. Но понимал: если пригласили, то нужно сказать хотя бы пару слов. Он не знал, как это лучше сделать, давно не выступал и заранее начал волноваться. «Нужно поскорее выступить, – подумал он, – зато потом поспокойнее будет». В тему он не вникал, но понимал, что всех волнует актуальность проблемы. Для пользы диссертации он решил использовать известность и авторитет Главного Конструктора космонавтики, заявив, что задача возникла в королёвском прославленном КБ...

– Это как? – закричали вдруг с места. – Выходит, докладывается заимствованное?

– Нет, – испугался Невмывако, – я говорю об актуальности задачи. Она возникла из насущных сегодняшних нужд военно-промышленного комплекса.

За последние дни Невмывако сдал, ходил с одышкой и, когда услышал о защите в институте, подумал: «А хорошо бы к ним на кафедру! В институте – тишина и порядок. Туда бы мне». Он вспоминал последние дни в Краснограде. Тогда чувствовал – не выдержит. Вынесут ногами вперёд. А на кафедре – тишь да благодать и академический отпуск чуть ли не в полгода. Кайф полный!

Невмывако говорил о вкладе. Слова его протискивались сквозь щель рта, словно неповоротливые садовые рыбы, которые, покинув его, медленно плыли по сторонам. Он и сам напоминал снулую рыбу, вытасченную из воды.

Мокашов завидовал тем, кто умеет говорить. Он многое бы отдал за это умение. Сколько раз в его жизни всё зависело от языка. Ум – хорошо, но с языком – ещё лучше. Он считал, что в каждом умеющем говорить скрыт талант. У Невмывако в этом смысле выходило от противного, неведь что, и об эффекте можно было только догадываться.

– Кто это? – спросил Пальцев.

– Невмывако. В своё время был замом Викторова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.